

А.Я.Гуревич

МОСКВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Заметки современника

Salamandra P.V.V.

А. Я. Гуревич

МОСКВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Заметки современника

Salamandra P.V.V.

Гуревич А.Я.

Москва в начале XX века: Заметки современника. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2010. – 212 с., илл. – PDF.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, фронтовика, инженера-конструктора и участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы.

Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века, от архитектуры до рекламы, торговых заведений, одежды и манер московских жителей, звуков и зрелищ старинной Москвы...

Эта книга – необходимое пособие для всех, кому дорого не только прошлое, но и точность в его воссоздании и в наших представлениях о минувшей эпохе.

Вместо предисловия

Течет жизнь. Уходят годы. За 70 лет, прожитых почти все время в Москве, пришлось быть свидетелем многих перемен и событий.

Стариков сменили новые поколения, не видавшие старой Москвы и не знающие многих деталей быта и условий жизни в начале XX века, деталей подчас колоритных, придававших Москве свой, особый вид – деталей, которые, несмотря на музеи, фотографии и другие способы «консервации» черт старой Москвы, исчезнут вместе с людьми, помнящими их.

Часто режиссеры кино и театров или писатели обращаются к темам, связанным с предреволюционной Москвой, и мы, современники этой эпохи, начинаем замечать многие неточности в их работе, вызываемые незнанием многого, виденного нами.

Думаю, что в этом смысле данные воспоминания могут оказаться полезными. Может быть, и для широкого круга читателей здесь найдется немало любопытного.

Москва – родина автора воспоминаний и он был бы рад, если этот скромный труд поможет читателям познакомиться со старой Москвой.

1

Планировка города

Москва никогда не была в положении провинции, хотя местопребыванием правительства оставался Петербург. Ни в одном другом городе России не было сосредоточено столько правительственных и учебных заведений, церквей, театров, промышленных предприятий, торговых контор, вокзалов и всего того, что определяет величину и значение города.

Москва была крупным культурным центром России, местом сосредоточения рабочего класса, известного своими революционными традициями.

Москва – древняя столица со славным историческим прошлым.

Она не строилась по плану, хотя уже в XVII веке издавались указы, частично регулирующие застройку города. Основные черты планировки, стихийно возникшей еще в XIV веке, дошли до нашего времени в виде кольцевых и радиальных улиц. Последние расходились от Кремля в направлении к ближайшим городам: Тверская (ул. Горького) к Твери, Арбат к Можайску и Смоленску, Сретенка к Ярославлю и т.п.

Как правило, все радиальные назывались «улицами», а кольцевые «переулками», хотя имелись и исключения, например: Садовые улицы, Кузнецкий мост, Петровские линии были кольцевыми, а Гранатный переулок (ул. Щусева) и некоторые переулки являлись радиальными.

Некоторые молодые по возрасту районы имели правильную прямоугольную планировку: район Тверских-Ямских улиц, Марьиной рощи, Рогожской заставы.

Почти все старые улицы были кривыми, с непостоянной шириной проезжей части и тротуаров.

Территория Москвы к 1917 году ограничивалась линией Московской окружной железной дороги. Сплошная застройка была в черте Камер-Коллежского вала.

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

2

Архитектура общественных зданий и жилых домов

Большинство московских домов в начале века были двух- и трехэтажными, хотя много домов даже в центре и на больших улицах было одноэтажных, в том числе деревянных оштукатуренных.

В последнее десятилетие прошлого века и в начале этого строилось много доходных многоквартирных домов высотой до 8-ми этажей. Они сохранились на старых московских улицах и в переулках.

Квартиры таких домов имели от 3 до 7-ми комнат и заселялись преимущественно буржуазией и буржуазной интеллигенцией.

Построенные на месте старых домов и особняков с целью получения наибольшего дохода от занимаемого земельного участка (месячная квартирная плата в них была от 80 до 250 рублей по ценам того времени), они плотно примыкали к соседним домам, имели тесные дворы, лишенные растительности, и смотрели своими окнами в окна рядом расположенного корпуса.

Разноэтажность смежных домов была отличительной чертой старой Москвы. Очень часто над старым низким домом возвышалась глухая кирпичная стена соседнего, лишенная окон или имевшая неоткрывавшиеся

полупрозрачные окна. Такое было правило: нельзя было иметь окна, открывавшиеся на территорию соседа.

Вид Москвы с доходными домами (с Сухаревской башни). Нач. XX в.

Там, где высоких домов было мало, горизонт Москвы, особенно на фоне вечерней зари, был необыкновенно красив и своеобразен благодаря силуэтам множества церквей с их куполами и колокольнями.

Церкви были почти в каждом переулке, расположенном внутри бульварного кольца, в основном старинные – XVII века, невысокие, хорошо гармонировавшие с окружающими домами и часто

замыкавшие перспективу улиц. Почти на всех главных улицах и во многих старых переулках сохранялись монументальные барские дома-дворцы или особняки, построенные в последней четверти XVIII века и первой половине XIX века в стиле русского классицизма, с портиками, колоннадами и белокаменными цоколями. Они выделялись среди домов более поздней постройки своим монументально-парадным видом, отражая вкусы и моду дворянской знати екатерининских и пушкинских времен.

Силуэт ушедшей Москвы со Швивой горы
(ок. 1907-1912 гг.)

Впоследствии подавляющее большинство таких домов перешло из частного владения в казну под правительственные учреждения, учебные заведения, больницы и т.п. Многие из них сохранили усадебные участки с садами, флигелями, сараями и каретниками.

Архитектура московских домов была крайне разнообразной по стилям и богатству отделки. Наряду со строгостью и торжественностью старинных зданий классического стиля, большинство домов, построенных в третьей четверти XIX века, были чисто утилитарными, без признаков стремления создать что-то красивое и долговечное. В лучшем случае, фасад, выходящий на улицу, украшался обилием алебастровой лепки, безвкусной по сравнению с наследием Растрелли и других талантливых предшественников. Со стороны дворов многие дома вообще не имели никакой отделки.

Новые доходные дома, построенные в последнем десятилетии XIX века и в начале XX века, имели фасады, оформленные в стилях модерна, неорусском и неоклассическом. Все они в подавляющем большинстве сохранились до настоящего времени в неизменном виде.

Владельцы домов, да и городская дума, проявляли полное пренебрежение к вопросу создания архитектурных ансамблей, вопреки тенденциям, существовавшим в XVIII веке. Ярким примером может служить площадь Свердлова (бывшая Театральная), планировка которой регулировалась с XVIII века и впоследствии была разработана архитектором Бове в начале XIX века. Ее строгий архитектурный ансамбль был грубо нарушен в первом десятилетии XX века постройкой гостиницы «Метрополь» и зданием универмага Мюр и Мерилиза (ныне ЦУМ). Оба здания хороши сами собой, проектировались талантливыми архитекторами, но по стилям совершенно выпадают из общего ансамбля.

Кроме того, старания многих архитекторов, направленные на украшения и стилизацию домов,

Гостиница «Метрополь» на Театральной площади
в 1902-1904 гг.

расположенных на больших улицах и торговых перекрестках, оказались бесплодными, так как торговые фирмы и магазины, занимавшие первые, а иногда и вторые этажи зданий, закрывали своими вывесками не только части стен над витринами, но и все простенки между окнами вплоть до самой крыши, да еще на крышах ставили вывески и транспаранты.

Подлинными архитектурными ансамблями предреволюционной Москвы были Кремль с Красной площадью, Новодевичий, Донской и Симонов монастыри, немногие другие места. Этим Москва уступала другим большим русским городам, не говоря о Петербурге. Однако, вся эта разнотипность, разноэтажность, кривизна

улиц и переулков, большое количество церквей и красивых зданий классического стиля создавали неповторимый архитектурный облик Москвы, чудесный сплав старины и современного города. Это нашло отражение в полотнах и гравюрах многих художников.

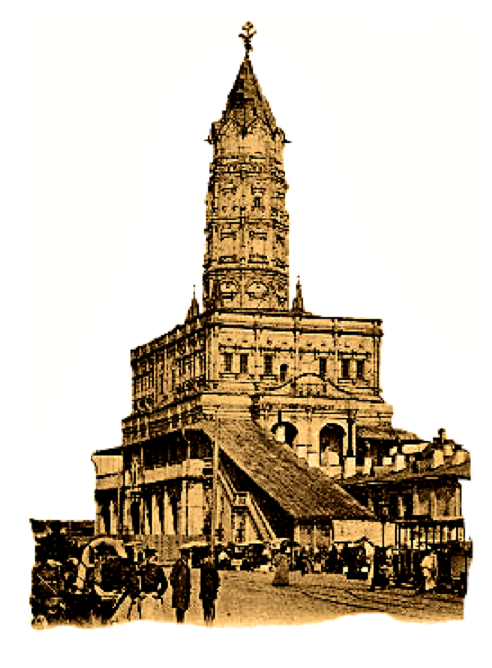
При подъезде к Москве, почти с любой стороны в солнечный день были видны сверкавшие золотом купола колокольни Ивана Великого и Храма Христа Спасителя. О последнем и некоторых других исчезнувших архитектурных сооружениях дореволюционной Москвы стоит упомянуть особо.

Извозчик у Храма Христа Спасителя (ок. 1900 г.)

Храм Христа Спасителя строился как памятник Отечественной войне 1812 года на добровольные пожертвования населения. Проект был заказан известному

в то время архитектору К. А. Тону, пользовавшемуся особым расположением у царя Николая I, одобрившего проект. К выполнению росписей и горельефов были привлечены известные художники и скульпторы. Постройка продолжалась 40 лет: с 1839 по 1874 год. Центральный огромный купол был позолочен натуральным золотом.

Сухаревская башня и «Сухаревка» (ок. 1900 г.).

Другим интереснейшим сооружением была Сухарева башня, замыкавшая перспективу Сретенки в сторону Садового кольца. Собственно башня покоилась на вытянутом вдоль Колхозной площади высоком четырехъярусном здании, имевшем огромную наружную

лестницу. Все здание и башня были выполнены в стиле «нарышкинского» барокко архитектором Чоглоковым в 1692-1701 г.г.

Шатровая верхушка Сухаревской башни была видна с многих точек города. По обеим сторонам башни вдоль площади располагался огромный рынок – «Сухаревка», существовавший еще ряд лет после Октябрьской Революции.

Еще на одной высокой точке Москвы, на месте пересечения улицы Кирова и Садового кольца, стояли «Красные ворота» – триумфальная арка, построенная

Красные ворота (1900е-нач. 1910х гг.)

в XVIII веке по проекту «начальника московской архитектурной команды» князя Ухтомского, талантливого архитектора, великолепно владевшего стилем барокко, принятым в России в середине XVIII столетия.

Китай-город. Владимирские ворота (нач. XX в.)

И, наконец, стоит сказать о Китайгородской стене, в особенности о ее башнях-воротах: Варварских, Ильинских, Владимирских и Воскресенских, замыкавших главные выезды из Китай-города. Все эти башни с примыкавшей к ним стеной, остатки которой можно видеть и сейчас, были увенчаны шатрами,

дополнявшими особый и неповторимый горизонт Москвы, с силуэтами куполов и колоколен церквей.

Китай-город. Варварские ворота (вид 1920х гг.)

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

3

Улицы, мостовые, освещение и реклама

Уже отмечалось, что многие улицы и переулки, особенно в пределах Садового кольца, были непостоянной ширины и искривленными. Попытки городских властей принять меры к расширению и спрямлению главных улиц, выразившиеся в установлении «красной линии», за которую не должно было выходить ни одно вновь строящееся здание, привели к тому, что у многих новых домов оказались более широкие тротуары. Это до сих пор можно видеть на Кузнецком мосту, в Столешниковом переулке и в других местах. При этом нарушалась непрерывная линия фасадов, что не улучшало вида города и не решало проблемы быстрого расширения улиц.

Высокая стоимость аренды помещений в центре города позволяла домовладельцам не торопиться со сносом старых одно- и двухэтажных домов, и так приносивших высокие доходы. По этой причине на самых оживленных торговых улицах – Тверской, Петровке, Столешниковом переулке, Маросейке, Лубянке и других, сохранялись одно- и двухэтажные дома, сплошь занятые торговыми помещениями, конторами, фото-ателье и т.п.

Тротуары в центре города были асфальтированы. Только у некоторых старых домов сохранились вместо

асфальта белые каменные плиты. Края тротуаров часто были булыжными, бордюрный камень был редкостью.

Перед воротами домов вкапывались каменные, а иногда и чугунные тумбы, чтобы осями колес не портили углы ворот. Встречались дома, где вместо тумб были вкопаны стволы старых пушек. На окраинных улицах роль покрытия тротуара выполняла узкая дорожка из асфальта или кирпича.

В центре ни одна улица, кроме Неглинного проезда, не имела деревьев на тротуарах, да и те приходилось защищать металлической оградой, так как лошади извозчиков объедали с них кору.

Мостовые были булыжными. Только в 1910-1912 гг. начали появляться усовершенствованные покрытия. Площадь между колоннадой Большого театра и сквером с этого времени была замощена крупноразмерным клинкером. Участок Тверской от дома генерал-губернатора (здание Моссовета) до Пушкинской площади включительно был частично заасфальтирован, частично покрыт деревянной торцовой мостовой.

В отличие от Ленинграда, торец был не шестигранный, а прямоугольный, как кирпич, и положен местами прямо или по диагонали. Далее Тверская до площади Маяковского была замощена «кляйн-флястырем» – мелкой квадратной шашкой на

бетонном основании, выложенной дугообразным рисунком. Далее за площадью Маяковского, до Белорусского вокзала, шла брусчатая мостовая, ровесница такой же мостовой, сохранившейся на Кузнецком мосту. Петровка до Столешникова переулка и сам Столешников переулок в эти годы были заасфальтированы.

У некоторых богатых особняков мостовые на половину ширины, а иногда и на всю ширину, были асфальтированы или покрыты деревянным торцом, чтобы заглушить шум от железных колесных шин и лошадиных подков.

На некоторых тихих улицах и переулках с малой интенсивностью движения между булыжниками прорастала трава, которую полагалось выпалывать, дабы улица не приобретала провинциального вида.

Примерно в те же годы усовершенствованные дорожные покрытия были сделаны в Театральном проезде и на некоторых других улицах.

Зимой разница в покрытиях исчезала. По действующим постановлениям, с момента установления санного пути не разрешалось счищать с мостовых снег дочиста, вплоть до 22-го марта. Во время сильных снегопадов снег с проезжей части сгребался широкими лопатами к тротуарам, образуя кучи. Если после этого наступала оттепель и мостовые оголялись, поступало распоряжение от полиции разбросать снег из куч на проезжую часть. Если кучи у тротуаров вырастали

слишком большими, домовладельцы были обязаны свозить снег во дворы или на свалки.

Снег на Кремлевской набережной (нач. XX в.).

Уплотненный снег на мостовой достигал иногда толщины 40-50 см и проезжая часть оказывалась выше тротуаров, так что часто сани сами скатывались боком к тротуару. В этих случаях полагалось скалывать лишний снег кирками.

Тротуары разметались от снега метлами и чистились маленькими скребками, скользкие места посыпались песком или золой, но без соли. Соль применялась очень редко – ведь за нее надо было платить, а песок дешев, зола бесплатна.

Освещение некоторых улиц было электрическое, посредством дуговых фонарей, а некоторые освещались углем. Для смены углей фонари, подвешенные на тонком тросе, опускались до уровня тротуара специальной маленькой лебедкой, имевшейся на каждом столбе и спрятанной внутри тумбы.

Так как автоматический механизм, управляющий подачей углей по мере их сгорания, работал не точно, фонари мигали и часто ненадолго гасли, иногда громко шипели. На дверце каждой фонарной тумбы был отлит герб города Москвы – Георгий Победоносец, поражающий копьем дракона.

Освещение других улиц, особенно с интенсивным и трамвайным движением, было газовым с калильными сетками. В сумерки вдоль таких улиц шли фонарщики с

длинными шестами, которыми поворачивали рычажки на светильниках, открывая или закрывая подачу газа (газ полностью никогда не перекрывался).

Фонарь на Красной площади
(нач. XX в.)

В переулках стояли небольшие чугунные фонарные столбы с верхней поперечиной, увенчанные четырехугольным фонарем классической формы,

примерно такой, какую сейчас можно видеть на фонарях у памятника Пушкину, но только по одному фонарю на каждом столбе. Горелки были в них керосиновые или газовые. Фонарщики, обслуживающие эти фонари, ходили с маленькими лестницами, приставлявшимися к поперечине столба. В их обязанность входила протирка стекол, заправка керосином, зажигание и гашение фонарей.

На каждом доме у ворот висел двусторонний номерной фонарь синего цвета, железный с прорезными надписями, закрытыми молочным стеклом и указывающими название улицы, сокращенное название полицейской части и номера участка. Внутри фонаря была керосиновая или электрическая лампа, освещавшая изнутри надписи. Снизу и сверху эти фонари были закрыты и на освещение улицы не влияли.

Под домовым фонарем обычно располагалась черная небольшая доска для вывешивания объявлений – записок о наличии свободных, сдающихся в наем, квартир или комнат. Ворота во всех домах на ночь запирали. На наружной стене у ворот была надпись: «Звонок к дворнику», около которой была ручка, соединенная с длинной толстой проволокой, связанной с подвешенным на спиральной пружине колокольчиком. Расстоянием и местоположением не смущались, так как с помощью специальных поворотных угольников

тяговая проволока могла огибать любые углы, подниматься вверх и опускаться вниз. В некоторых домах звонки были электрическими.

Дворник и барыни. С картины В. Перова (1860-е гг.)

Озорные мальчишки частенько устраивали ложный трезвон и выбегавший на него дворник грозил убегающим озорникам метлой, нещадно ругаясь.

Над окнами каждого магазина были вывески, обычно написанные по кровельному железу темного фона светлыми или золочеными буквами. Часто буквы делались накладными. Светящихся реклам и вывесок не было, за исключением выполненных из белых букв, расположенных по кругу, установленному на крыше и освещавшихся из центра одной электрической лампой, скрытой сверху в абажуре-рефлекторе. Пивные имели особые вывески: поле вывески сверху было зеленым, плавно переходящим книзу в желтый цвет.

Витрины освещались мало, только в центре города, но внутри магазинов оставляли зажженную маленькую лампочку на ночь, чтобы видно было, если воры залезут.

Крайняя скудность освещения большинства улиц частично компенсировалась их малой шириной и фонарями у подъездов, ресторанов, трактиров, гостиниц и других общественных учреждений.

Реклама, как таковая, существовала на улицах в виде вывесок на фасадах домов, иногда на поперечных вывесках у входов в магазины. На углах тротуаров оживленных перекрестков улиц стояли деревянные высокие тумбы цилиндрической формы под низкими коническими крышами, служившие для наклейки объявлений и афиш. Огромные рекламные вывески

помещались часто на глухих стенах высоких домов, возвышающихся над низкими соседними домами.

Реклама на доме Афремова у Красных ворот
(1900е-1910е гг.)

Были распространены три вида подвижной рекламы. Первый – это вывески на крышах трамвайных вагонов. Второй – надписи на грузовых конных фургонах и на упряжных дугах грузовых (ломовых) фирменных повозок. Эти дуги обычно были тяжелыми и широкими, в отличие от тонких дуг легковых извозчиков.

Третий – это жесткие транспаранты, одетые спереди и сзади на людей, следующих по мостовой медленным шагом, гуськом друг за другом. На головах у них кепи серого цвета военного образца, времен русско-турецкой войны прошлого века. Иногда практиковалась раздача рекламных листков прохожим на оживленных улицах.

Уличные вывески у Лубянской площади
(нач. XX в.)

Все виды рекламы не были броскими, яркими, привлекавшими внимание и не способствовали украшению улиц.

В так называемые «царские дни» на всех домах вывешивались трехцветные – бело-сине-красные флаги.

Флаги у Большого театра в день коронации
Николая II (1896)

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

4

Городской и личный транспорт

Транспорт на улицах Москвы практически был полностью гужевым. Только трамваи и единичные автомобили составляли исключение.

Гужевой транспорт делился на «легковой» (пассажирский) и «ломовой» (грузовой).

Легковой транспорт состоял из собственных экипажей и наемных извозчиков и лихачей. Последние имели хороших рысистых лошадей, лучшую упряжь и пролетку (экипаж) на «дутых» (пневматических) шинах. Шины эти были довольно тонкого сечения – раза в два больше, чем велосипедные.

Пролетки легковых извозчиков имели узкие козлы для извозчика, двухместное сиденье для пассажиров, кожаный складной, черного цвета верх на случай дождя, и такой же, свернутый под козлами, фартук, которым можно было покрыть ноги пассажиров выше колен при сильном дожде. Колеса у всех пролеток легковых извозчиков были красного цвета, обрезиненные тонкими монолитными или собранными из кусков резиновыми шинами. Подвеска передней оси была на двух эллиптических рессорах, задняя ось имела две рессоры по s эллипса и одну поперечную полуэллиптическую.

Сиденье, спинка, подлокотники и козлы были туго набиты волосом и обтянуты синим добротным сукном. В общем, амортизация была довольно мягкой и хорошо поглощала тряску от булыжной мостовой. Все экипажи, кроме редких карет и некоторых богатых собственных выездов, были одноконными. Защита от грязевых брызг осуществлялась узкими боковыми крыльями над передними и задними колесами, соединенными друг с другом подножкой, служащей для удобства посадки в пролетку. Сбруя, кроме части вожжей, была кожаной, черного цвета, слегка украшенная медным или посеребренным набором. Дуги были небольшие, легкие, круглого сечения, выкрашенные в черный цвет.

Одежда легковых извозчиков состояла зимой и летом из армяка с кушаком или поддевки сине-зеленого цвета, плотно облегающей спину и грудь и широкой, собранной множеством складок, ниже талии. На голове, летом – низенький черный цилиндр с черной атласной или бархатной узкой лентой и светлой металлической пряжкой спереди. Зимой – русская невысокая шапка, отороченная кругом мехом. Кнутов не было. Их заменяли сплетенные вместе концы вожжей. Сзади на каждой пролетке (или санях) был городской номерной знак.

Зимой пролетка заменялась у извозчиков низенькими двухместными санками, почти без спинок, на узких, подшитых железными шинами полозьях. У лихачей санки были повыше, с изящным утоньшением нижней части, примыкающей к полозьям. Сиденья на всех санках, как и в пролетках, были обиты синим сукном, а ноги седоков укрывались синей суконной полостью, отороченной дешевым пушистым мехом. Чтобы полость во время езды не сползала с ног, на задних ее концах с обеих сторон были длинные

суконные петли, накидываемые на штыри, находившиеся на краях низкой спинки сиденья. На пол саней для тепла седоков укладывалась охапка сена.

Никаких экипажных фонарей у мостовых извозчиков и лихачей не было. Они имелись только на некоторых частных экипажах и каретах.

Стоянки извозчиков обычно бывали на перекрестках, в переулках при выезде на большую улицу. На главных улицах стоянка запрещалась полицией. Во время

стоянки извозчики обычно разнуздывали лошадей и одевали им на морды торбы с овсом. Часто, увидев хорошо одетого прохожего, извозчик немедленно обращался к нему: «Свезем, барин?». Если прохожий изъявлял согласие, следовал торг: «Куда прикажете?» и, получив ответ, извозчик назначал цену. Пассажир называл свою, примерно вполовину меньше запрашиваемой. После взаимных уступок, часто сопровождающихся со стороны извозчика фразой: «А сено почем? А овес нынче почем?» ездок усаживался, торба быстро снималась с лошадиной морды, извозчик залезал на козлы, удобно усаживался – и раздавалось смачное чмоканье, сопровождаемое: «Н-но! Поехали!»

Стоянка легковых извозчиков у Брянского вокзала
(нач. XX в.)

Если в цене не сходились и пассажир проявлял упорство, извозчик с сожалением смотрел ему вслед и

часто, не выдержав, восклицал: «Ну, уж пожалте, поедем!» Это не мешало извозчику во всех случаях по приезде и расплате просить «подкинуть малость»: на плохую дорогу, дороговизну, на водку и по причине любой другой дорожной сложности.

При хорошей лошади и лучшей пролетке проезд стоил дороже.

Стоянки лихачей были в определенных местах – на Страстной (Пушкинской) площади, у ресторанов и в других местах скопления богатых клиентов, так как проезд на лихаче стоил в несколько раз дороже.

Ломовой транспорт также был одноконным, кроме фирменного. Перевозка мебели с упаковкой и грузчиками

осуществлялась фирмой Ступина, имевшей также склад для временного хранения мебели. Эта фирма имела специальные длинные крытые фургоны с надписью на наружных стенках: «Перевозка мебели, пианино Ступин (инициалы не помню), адрес и номер телефона». Фургоны имели высокие козлы для кучера и грузчика и были запряжены парой здоровенных битюгов. Была еще фирма, специализировавшаяся на продаже и доставке древесного и каменного угля, «Яков Рацер». У нее также были тяжелые большие повозки с парной упряжкой, с козлами и даже с ручным тормозом, действующим своими колодками на железные шины задних колес.

Ломовые извозчики на Варварке у Средних рядов
(конец XIX в.)

У всех прочих ломовых извозчиков полки (телеги) были без козел и без бортов, подрессоренные, на колесах с железными шинами, зимой на полозьях, расположенных под полком. Высота полка была около одного метра. Под полком вдоль краев было много крючков для увязки груза веревкой и всегда болталось ведро для водопоя лошади.

Форменной одежды у ломовых извозчиков не было. Одеты были – кто как. Летом, обычно, на голове суконный черный или темно-синий картуз, спереди холщовый фартук, меховые рукавицы, мехом вовнутрь.

Стоянки ломовых извозчиков были в определенных местах, обычно у базарных площадей и вокзалов. При появлении потребителя все извозчики налетали на него с криками: «Давай подвезем!» и, после нещадного торга, нанимался тот, кто соглашался на минимальную цену под брань всех остальных. Если соглашались двое или больше, тут же тянули жребий из шапки, а вытянувший жребий получал дополнительную дозу брани. Вообще, московские ломовые извозчики отличались таким «лексиконом», что поговорка: «Ругается, как ломовой извозчик» была общеупотребительной.

Сыпучие грузы и мусор перевозили на специальных телегах с опрокидными полуцилиндрическими кузовами – колымажках. Длинномерные – на раздвижках. Ассенизационные телеги имели длинные деревянные бочки, транспортируемые обычно в ночное время обозом.

Кроме описанного легкового транспорта, многие богатые люди имели «собственные выезды». Это были хорошие одноконные экипажи, редко парные, с хорошо одетым кучером, часто с двумя свечными фонарями, помещавшимися по бокам козел.

Кареты были редкостью. Они обычно брались на прокат у специальных фирм для свадеб, похорон или других особо торжественных событий. Упряжка кареты была парной, на голове у кучера – цилиндр. Снаружи все кареты черные. Внутри кареты обивались цветным, а иногда и белым шелком или плюшем. Сидений внутри кареты было два, напротив друг друга, всего на 4 человека, но могло ехать и шесть человек. Одна из разновидностей карет, так называемая «ландо», отличалась тем, что верх ее мог складываться так, что она превращалась в открытый четырехместный экипаж.

Иногда можно было увидеть на улицах Москвы тяжелую, на железных шинах карету, запряженную четверкой лошадей. Это везли на какой-нибудь молебен одну из особо знаменитых икон.

Тройки в городе были редкостью, их можно было видеть на масленичном катании, да на Ленинградском шоссе по дороге к «Яру».

Движение на главных улицах было очень интенсивным. По Тверской, Петровке, через Кремль и по некоторым другим улицам ломовой транспорт не допускался. Легковые извозчики ехали плотно друг за другом и нередко над головой пассажира, сидящего в санках, раздавался храп бегущей сзади лошади.

Скорость движения на ровных местах была мелкой рысью, примерно 8-10 км в час, а у лихачей и извозчиков с хорошими лошадьми в 1,5 -2 раза выше.

Ломовой транспорт с грузом передвигался только шагом, причем извозчик следовал рядом с полком, держал вожжи в руках и нещадно ругал и понукал лошадь, а в трудных местах огревал ее вожжами. Если полок или сани где-нибудь застревали, он бил ее нещадно по самым чувствительным местам, иногда по морде.

Существовал еще один вид транспорта – похоронный, делившийся на разряды. Первому разряду соответствовал катафалк с балдахином, поддерживаемым 4-мя узорными колонками, с драпировками, галунами, бахромой, с резными украшениями. Цвет катафалка белый или черный – в зависимости от религии покойного. Упряжка – 6 лошадей по 3 пары. Одеты

лошади были с головы до копыт в белый или черный балахон с прорезанными круглыми глазницами и выпущенными наружу ушами, между которыми торчал султан. Каждую лошадь вел под уздцы сопровождающий, облаченный в белую или черную ливрею до самых пят и в высокий цилиндр с маленьким плюмажем сбоку. В голове такой похоронной процессии (при православном обряде похорон) ехала маленькая одноконная одноосная повозка – кабриолет с еловыми ветками, которые разбрасывал по дороге сопровождающий служитель.

Похоронная процессия в Москве
(прощание с А. П. Чеховым, 1904 г.)

Похороны по второму разряду не имели кабриолета и катафалк был запряжен только одной парой лошадей. В остальном было все тоже.

Похороны по третьему разряду имели вместо катафалка легкий полок без крыши и колонок, запряженный одной лошадью без балахона, покрытый сеткой с кистями поверх оглоблей.

Рабочий народ и неимущие пользовались простым ломовым полком или несли гроб на руках.

Общественным транспортом, кроме извозчиков и лихачей, был только трамвай.

Московская конка 1900-х гг.

Конки были упразднены в 1912-1913 гг. От Савеловского вокзала до Петровско-Разумовской с.х. академии (теперь академия им. Тимирязева) ходил

узкоколейный паровичок с несколькими пассажирскими вагончиками.

Часть вагонов упраздненной конки использовалась в качестве прицепных вагонов трамвая.

Трамвайные вагоны были двухосными, часть их ходила с одним прицепным вагоном, часть без него. Передняя и задняя площадки моторного вагона были совершенно симметричными, крытыми, остекленными только в торце – по две задвигающиеся низкие решетчатые дверцы с обеих сторон. На каждой площадке имелся контролер управления, потолочный выключатель, кран воздушного тормоза и колонка с маховиком ручного тормоза. Прицепные вагоны были устроены так же, но на площадках был только ручной тормоз.

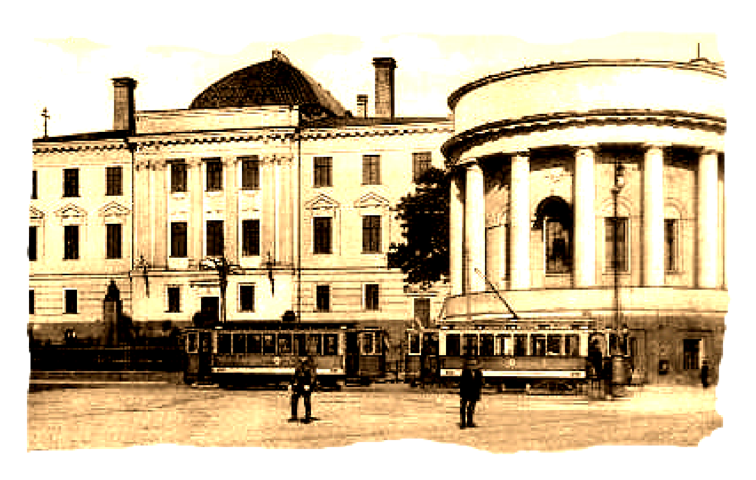
При занятости всех мест внутри вагона (по-современному – в салоне), отделенных от площадок задвигающимися, застекленными в верхней части дверцами, пассажиры могли находиться стоя на задней площадке, в прицепных вагонах – на задней и передней.

Если и площадки были переполнены (их номинальная емкость 12 человек каждая), кондуктор мог задвинуть решетчатую дверцу площадки или откинуть маленький железный флажок с надписью – «мест нет». Внутри салона стоять не разрешалось. Это правило было

отменено только в 1915 году, когда вследствие войны население Москвы сильно увеличилось и трамваев не хватало.

Внутри салонов были жесткие, но удобные скамейки, набранные из дубовых планок и отделанные, как и весь салон, под красное дерево – по одну сторону двухместные, по другую – одноместные, стоящие поперек вагона спинками друг к другу. Окна зимой и летом были одинарного остекления и при желании могли открываться, опускаясь полностью в нижнюю часть стенки вагона, но открывать их разрешали только с правой стороны по ходу вагона. Под каждым окном была белая эмалированная планка с надписью красными буквами «Не высовываться», а внутри на торцевых стенках салона так же исполненные надписи:: «Вагоновожатый №...», «кондуктор №...», 26 мест,

Трамвай у Московского университета в нач. XX в.

«Курить и плевать воспрещается». На наружных стенках вагона под окнами была надпись: «Входить и выходить во время движения воспрещается». В переднем вагоне ехала «чистая» публика, в заднем попроще, в том числе и солдаты. В салоне вдоль прохода к потолку крепились две горизонтальные палки с подвижными кожаными петлями для рук

Кондукторы трамвая все время стояли и не имели права садиться на свободные места. Они следили за посадкой и выходом, давали звонок отправления, дергая за веревку, протянутую вдоль потолка вагона, продавали билеты. У каждого была на ремне через плечо черная кожаная сумка для денег и для деревянной колодки с зажатыми в ней отрывными билетами разного цвета. В сумке был передний карман, куда убиралась небольшая папка, в которую кондуктор обязан был записывать химическим карандашом номера оторванных билетов по определенным участкам маршрута. Соответственно этим участкам менялся и цвет отрывных билетов. Тем самым исключалась возможность предъявления билета с другого трамвая при контроле и создавался учет

пассажиров по этапам маршрута и по времени дня. (Именно для этой цели на больших перекрестках улиц с трамвайным движением появились после 1912 года трамвайные – городские электрические часы).

Существовали также пересадочные билеты несколько большего размера, той же цены, допускавшие пересадку на перекрещивающихся маршрутах. В этих билетах кондуктор карандашом прочеркивал время их выдачи.

Дабы не открывать двери салона в морозные дни при выдаче билета пассажиру, находящемуся на площадке, в двери было маленькое окошечко, задвигающееся металлической шторкой, через которое можно было просунуть руку с деньгами или билетом.

Автомобили только входили в употребление. Грузовые автомобили (все на монолитных резиновых шинах) до войны 1914 года имелись в очень небольшом

количестве. Шофера грузовиков не имели кабин и сидели на открытых скамейках.

Легковые автомобили самых разнообразных марок, типов и конструкций были у частных лиц, либо в прокатных гаражах. Под гаражи использовались каретные сараи, имевшиеся во многих домах. Прокат стоил дорого и был по карману только очень богатым людям.

Против Каретного ряда за Садовым кольцом возник первый в Москве автомобильный завод Ильина, собиравший ничтожное количество автомобилей на базе получаемых заграничных частей. Кузова легковых автомобилей были различными: открытые со складным

брезентовым верхом, а иногда и без него; в виде кареты с открытым сиденьем шофера; полностью закрытые (лимузины) с внутренней стеклянной перегородкой, отделявшей шофера от пассажиров.

По бокам радиатора располагались два никелированных или хорошо начищенных латунных карбидных фонаря. Электрические фонари были редкостью. Сиденье шофера на многих автомобилях располагалось справа; и рычаги тормоза, и переключение скоростей были вынесены за борт автомобиля наружу, часто они выполнялись из бронзы и начищались до блеска. Электростартеров до 1914 года не было и при каждом заглохании мотора шофер выходил из машины и крутил заводную рукоятку, которая не снималась с места, а для того, чтобы она не болталась во время езды, на нее накидывалась кожаная петля, крепившаяся другим концом к рессорному клыку.

Шофера обычно носили кожаные фуражки и кожаные перчатки крагами. Несовершенные моторы автомобилей издавали сильный шум, треск и непривычный для того времени запах. Лошади, особенно новички в городе, часто пугались автомобилей, пятились назад, грозя наехать экипажем на тротуар.

Мотоциклы и велосипеды имели чисто спортивное значение, а булыжные мостовые препятствовали их распространению. Только на Петроградском шоссе от Александровского (Белорусского) вокзала до Петровского парка была проложена хорошая гравийная велосипедная дорожка, обсаженная липами, сохранившимися до сего времени.

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

5

Санитарное состояние города

Несмотря на наличие большого количества дворников (2-3 человека в доме с 10-20 квартирами), улицы Москвы не отличались чистотой. Урн для мусора на тротуарах не было – они появились только в 20-х годах. Огромное количество лошадей покрывало мостовые навозом, его мгновенно расклевывали стаи воробьев. Дворники неоднократно в течение дня сметали навоз в большие железные совки и ссыпали его во дворах, откуда он вывозился ранним утром вместе с мусором на возах-колымажках, но отнюдь не каждый день.

Московский дворник
(1900-е гг.)

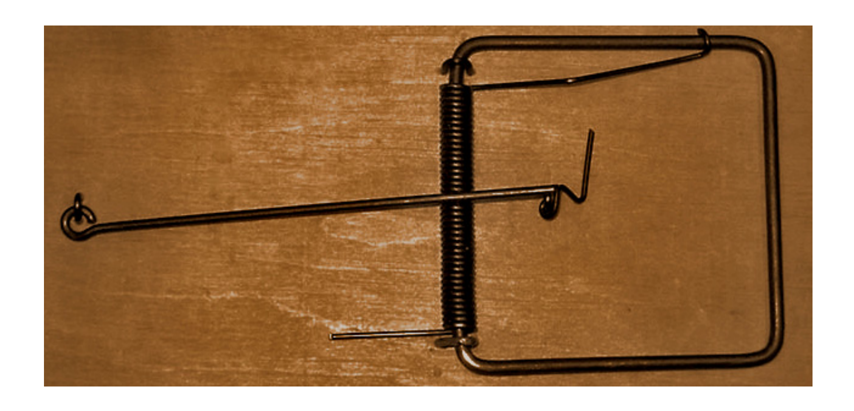
Мусор сваливался жильцами в определенном месте двора, часто открытом и называвшимся «помойкой». Часто помойка находилась под окнами квартир и служила рассадником заболеваний, чему способствовало огромное количество мух, заполнявших квартиры, трактиры, продовольственные лавки, все кухни и прочие комнаты, особенно там, где появлялась пища. Борьба с мухами если велась, то только посредством липкой бумаги или тарелок с отравленной водой. Однако это были паллиативные средства и мухи летали тучами везде и всюду, за исключением пустующих комнат в богатых квартирах.

Летом, при ветре, по улицам носились тучи пыли. Поливка улиц и переулков (мостовых) производилась только в центре из железных бочек, установленных на одноосных одноконных тележках. Это, собственно, даже нельзя было назвать поливкой, а скорее обрызгиванием, так как редкие капли воды, падая без напора на мостовую, скатывались в шарики с пылью или быстро впитывались в грунт между булыжниками.

Продукты питания перевозились на открытых ломовых полках, иногда прикрываемых брезентом. Для перевозки мяса служили полки, обитые железом.

В зимнее время санитарное состояние города резко улучшалось: не было пыли, мух, снег покрывал грязь. Никаких уборочных машин не существовало – ни коммунальных, ни квартирных. Холодильная техника была только на бойнях и в меховом складе крупного мехоторговца Михайлова. Хранение пищевых продуктов производилось в подвалах, заполненных льдом,

заготовки которого начинались на Москве-реке и на городских прудах с января месяца. В таких подвалах-погребах холод сохранялся практически целый год. Зимой осуществлялся массовый завоз мороженого мяса, мороженой рыбы, дичи и всяких солений. Плохая защита пищевых продуктов приводила к массовому распространению крыс и мышей. Для борьбы с мышами в городе было огромное количество кошек, часто бездомных, а в мясных лавках часто держали гладкошерстных фокстерьеров, хорошо ловивших крыс и не могущих достать высоко подвешенные туши и окорока. Мышеловки имелись почти в каждой квартире.

Теперь просто приходится удивляться, как это москвичи не погибли от массовых эпидемий, хотя количество желудочно-кишечных заболеваний в летнее время было высоким. На улицах было много бродячих

собак и отлов их был плохо организован. Появление бешенства среди собак не было редкостью.

В пределах Садового кольца подавляющее число домов, кроме мелких одноквартирных и старых деревянных, было канализировано, однако ночные ассенизационные обозы не были редкостью. Водопровод был всюду, в квартирах, кроме окраин, где имелись водоразборные колонки. На мостовых имелись люки для установки пожарных гидрантов. В городе речной или колодезной водой никто не пользовался, разве что на далеких окраинах. Только Сандуновские бани имели свою водокачку на Москве-реке около бывшей Бабьегородской плотины.

Сандуновские бани (1900е-1910е гг.)

Водой Москва снабжалась – речной из Рублева, родниковой из Мытищ. Качество воды было хорошим.

В каждом доме имелся счетчик – водомер для оплаты, что способствовало экономному расходованию воды.

Общественных бань было много. Все они делились на 2 или 3 разряда. Лучшие из них – Сандуновские и Центральные, существующие и поныне. Дома мало кто мылся, т.к. ванны были преимущественно в буржуазных дорогих квартирах и особняках. Парикмахерских мужских было достаточно и очереди в них были редкостью, дамские встречались реже, но и клиентки были не частыми. Много парикмахерских располагалось в районе Петровки, Кузнецкого моста и на других оживленных улицах.

Парикмахерское заведение И. Андреева
в Москве (конец XIX в.)

Характерно, что дамские и мужские парикмахерские были раздельными. Это объяснялось буржуазной

моралью, рассматривавшей вопросы туалета, как интимные: встретить знакомую даму при входе в парикмахерскую считалось неудобным. Некоторые парикмахерские в центре были хорошо оборудованы: имели кресла типа зубоврачебных, индивидуальные умывальники. Многие парикмахерские имели на вывесках вымышленные французские имена.

Скот в городской черте не держали, кроме лошадей. На окраинах можно было видеть и коров, но редко. Зато домашнюю птицу: кур, индюков, цесарок можно было увидеть и в центре, и в просторных дворах старых домов, часто поросших травой. Каждой квартире полагался сарай во дворе или в подвале дома, независимо от наличия печного отопления, при котором он служил складом для дров, хотя иногда дрова хранились во дворе, открыто, сложенными в «кладку». В сараях помимо дров хранилась дачная мебель и всякие ненужные старые вещи, мешающие в квартире, которые жалко было выбросить. В некоторых старых домах, особенно особняках, имелись каретники и конюшни, используемые иногда по назначению, а иногда, как сараи или торговые склады, они сдавались в наем.

Во многих домах имелись общие прачечные с большим чугунным котлом для кипячения белья, водогрейным котлом и с большими лоханями для

стирки и полоскания белья. Вообще, как правило, стирку производили дома в деревянных лоханях на высоких ножках с деревянной затычкой, закрывающей отверстие в дне лохани для слива воды, или пользовались деревянными корытами, сделанными из одного куска дерева. Воду грели на кухонной плите в специальном баке или «коробке» из оцинкованного железа, вмонтированной в плиту и постоянно заполненной водой, которая подогревалась во время топки плиты. Эту же воду использовали и для мытья посуды. В каждой кухне имелись полати, на которых обычно подсушивался очередной расход дров.

Белье сушилось на чердаках. В то время на всех крышах имелись слуховые окна, открытые настежь летом и закрытые зимой.

Общественных прачечных было немного. Единственная (насколько я помню) механическая прачечная была в Леонтьевском переулке (теперь улица Станиславского) и принадлежала иностранцу Бравастро. Было несколько

китайских прачечных, в которых работали мужчины-китайцы, отлично выполнявшие стирку, особенно мужского крахмального белья, к которому в те времена предъявлялись высокие требования. Кроме того, во всем городе было несметное количество прачек, бравших стирку на дом или приходивших за ничтожную плату с «харчами» стирать на квартиру.

Прачки. С картины А. Архипова (1901)

О загрязнении атмосферы, в современном понятии, не имели представления, так как автомобилей было ничтожное количество, газовые кухонные плиты были

в очень немногих новых домах, большие фабрики и заводы располагались на окраинах, а печное отопление домов действовало только зимой и притом на дровах, не дававших вредного дыма. Только центральное отопление в новых домах работало на каменном угле.

Городские общественные уборные насчитывались единицами, что в известной мере компенсировалось уборными во дворах многих домов. На бульварах имелись железные в виде круглых будок писсуары, предназначенные только для мужчин.

Клопы в квартирах были обычным явлением, как и мыши. Блохи тоже были не редкостью, особенно при наличии собак и кошек, а в грязных подвальных мастерских и дворницких водилось кое-что похуже.

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

6

Одежда горожан

Ничто в дореволюционной Москве так не определяло профессии и сословные различия жителей, как одежда.

По одежде сразу можно было отличить, помимо военнослужащих и полиции, принадлежность учащихся к определенному учебному заведению, департамент чиновников государственной службы, отличить торговцев, разного рода приказчиков, инженеров и других специалистов, носивших положенную им форму (кроме частных врачей и юристов), священников.

Повседневная форма офицеров – шинель светло-стального цвета, такого же покроя, как и сейчас, с погонами, под шинелью сюртук до колен или китель, фуражка с козырьком, зимой круглая низенькая шапка из черного каракуля, без наушников и козырька, и обязательные шпоры. Старшие офицеры иногда вне строевой службы носили калоши, в которых задники были прорезаны для шпор и прорезь была окована латунью. По цвету погон, кантов и околыша на фуражке можно

было отличить род войск, а по вензелям на погонах или другим знакам даже наименование полка.

Парадная форма была различной, но у войск, стоявших в Москве, не отличалась резко от повседневной.

Вне караула и исполнения службы офицеры не носили пояса поверх шинели, сюртука или кителя. Брюки в повседневной носке могли быть на выпуск, ботинки без шнурков.

Летом офицеры надевали сюртуки или кители из белой материи без кантов и фуражку с белым верхом.

У солдат была традиционная русская серая шинель, на голове суконные фуражки – бескозырки. Вне строя, в теплую погоду разрешалось расстегивать задний хлястик и носить шинель внакидку на плечах, как плащ, не одевая в рукава. Кроме шинели был черный суконный мундир с двумя пуговицами сзади и с прорезными задними карманами. Мундир по стоячему воротнику и задним карманам был оторочен цветным кантом по роду войск.

Под мундиром белая гимнастерка, поверх мундира кожаный пояс с медной начищенной, как и пуговицы, бляхой. Летом в жаркое время можно было ходить без мундира, в одной гимнастерке. Шаровары были только суконными, сапоги кожаными.

Российский пехотинец времен
Первой мировой войны

Рядовой состав, кроме специальных полков, не имел помимо фуражек-бескозырок зимних головных уборов. Для зимы всем военным – офицерам и солдатам – полагались башлыки из верблюжьей шерсти, некрашеные – цвета кофе с молоком. Башлыки носились треугольной частью на спине, а концы пропускались под погоны, перекрещивались на груди и внизу засовывались под пояс. В сильный мороз из треугольной части башлыка складывалось подобие стоящего воротника, закрывающего затылок, щеки и уши, а концы обертывались вокруг шеи.

Такие же башлыки носили учащиеся средних учебных заведений, так как им не полагалось, кроме фуражки, другого, более теплого головного убора. Однако им разрешалось иметь зимой на шинелях черные каракулевые воротники.

Юнкера отличались от других военных ношением невысоких киверов из черной лакированной кожи с большим двуглавым латунным орлом, чешуйчатым подбородником и маленьким жестким султаном спереди.

Характерно, что ни один военный, будь то офицер, генерал или рядовой, не мог

показаться на улице или в общественном месте без холодного оружия. Офицеры носили на ремне, перекинутом под погон через правое плечо, шашку, кавалерийские офицеры – сабли, морские – палаши или кортики. Вне строя пояс был необязательным, а шашку можно было носить под шинелью, для чего левый карман шинели делался прорезным и эфес шашки просовывался наружу через карман. На эфесе каждой шашки, сабли или палаша был из муаровой ленты темляк с плетеной из серебристой нити кисточкой. Цвет ленты был черный, алый или полосатый черно-оранжевый (георгиевский), в зависимости от наличия награды. Кобуру с пистолетом вне строя и караула обычно офицеры не носили. В домашней обстановке или в гостях шашка оставлялась на вешалке.

Солдаты и унтер-офицеры, если им по роду войск не полагалась шашка или тесак, носили сзади на правом бедре винтовочный граненый штык в кожаных ножнах и без всякой ручки. Такое ношение оружия было чисто символическим, ибо защищаться штыком без ручки было неудобно.

С начала войны 1914 года все военные всех войск были одеты в одинаковую полевую форму и солдаты были освобождены от ношения штыков вне строя, но офицеры с шашками не расставались*, а накануне революции некоторые военные чиновники стали носить для облегчения кортики, как у моряков.

---

* К сожалению, некоторые кинорежиссеры об этом позабыли (*Прим. авт.*)

Учащиеся всех мужских учебных заведений имели форму (строго обязательную) по роду училищ: гимназий, реальных училищ, коммерческих, кадетских корпусов, лицея, университета и других высших учебных заведений. Каждой из этих категорий была присвоена своя форма одежды.

Учащиеся городских школ носили синие суконные фуражки без кантов с кокардой на околыше. Остальная одежда была вольной и очень скромной, т.к. это были дети рабочих, ремесленников и др. низкооплачиваемых родителей. Гимназисты имели светло-серые суконные гимнастерки и такие же брюки, черный кожаный пояс с никелированной пряжкой, гравированной инициалами и номером гимназии, и светло-серую шинель офицерского покроя с синими петлицами, окантованными белым кантом. Фуражки были синими с белыми кантами и серебристой кокардой, имевшей номер или обозначение гимназии на двух скрещивающихся ветках. Пуговицы шинели были никелированными или посеребренными.

Реалисты были одеты так же, но гимнастерки и брюки были темно-серого цвета, шинели и фуражки цвета зеленого лука, все канты желтого цвета, а пуговицы, пряжка и кокарды золотистого цвета.

Надо сказать, что гимназисты и реалисты младших классов в возрасте от 9 до 11 лет, да еще при маленьком росте, выглядели в своей форме на улице довольно комично.

Учащиеся других средних учебных заведений носили форму такого же покроя, но с некоторыми различиями, например черные шинели, другого цвета фуражки, двубортные тужурки вместо гимнастерок, наплечники с вензелями (короткие пришитые погоны) и т.п.

В летнее время разрешалось ношение полотняных гимнастерок из светлого сурового полотна и фуражек с таким же верхом.

Лицеисты единственного в Москве лицея имели фуражки с красными околышами и белыми кантами, а в парадные дни носили сюртуки и шпаги.

Студенты одевались в черные или сине-зеленые двубортные тужурки – кители и такие же шинели с пуговицами серебряного и золотого цвета с государственным гербом – двуглавым орлом.

Студенты института путей сообщения имели серебряные пуговицы, МВТУ – золотистые. Все студенты, кроме университета, носили наплечники с металлическими вензелями своего учебного заведения. Наплечники делались из черного бархата и имели цветной кант, например: путейцы зеленый, МВТУ голубой и т.п. Поясов студенты не носили.

Чиновник с дочерью. Конец XIX – нач. XX в.

Летом, в жаркие дни, часто ходили без тужурок, в косоворотках светлых цветов (но не ярких), без форменных пуговиц на них и подпоясывались либо кожаным кушаком, либо шелковым шнуром с плетеными шариками или кисточками на концах. Не все студенты соблюдали ношение формы.

Все категории чиновников государственной службы, как правило, носили форму, в особенности в «присутственных» местах, состоявшую из сюртука темно-синего цвета, с петлицами, фуражки с кокардами и черной шинели офицерского покроя, с пуговицами серебряного цвета. Однако, большинство чиновников, в частности учителей казенных учебных заведений, предпочитало носить на улице штатские пальто и часто шляпы.

Священник и гимназисты. Конец XIX в.

На улицах встречались священнослужители, одетые в темно-серые рясы, длинные до каблуков, часто, не без

щегольства, плотно облегавшие спины и талии, с длинными и широченными внизу рукавами. У каждого на груди был большой золоченый или серебряный крест на массивной такой же цепочке, на голове большая шляпа или высокий цилиндр серого или сиреневого цвета, иногда цилиндр без полей, уширяющий кверху.

Встречались монастырские чины, одетые скромно, в черные до полу одежды и черные скуфейки на головах, похожие на просторные тюбетейки.

Одежда штатских (гражданских) лиц была, как правило, темного цвета: черная, темно-синяя или других темных цветов. Материал одежды шерсть, часто с

выработкой или в полоску. Гладкие сукна больше употреблялись для форменной и праздничной одежды – фраков, визиток, смокингов, которые носились в буржуазно-аристократических кругах, музыкантами и официантами (пиджаки и смокинги).

Светлые костюмы у мужчин бывали только летом, и то не часто. Мужчины некоторых профессий одевались более ярко, но это не считалось признаком хорошего тона и было распространено среди артистов дешевых театров, репортеров и лиц свободной профессии.

Немногочисленные, входившие только в моду спортсмены носили цветные, но не яркие пальто и пиджаки, иногда в крупную клетку, в мелкую черно-бело-серую клетку брюки и кепи с откидными наушниками.

Зимой носили крытые темным сукном шубы на меху или пальто на вате, шапки с бархатным донышком, отороченные мехом, редко бобром, или сплошь меховые, чаще всего каракулевые или котиковые. Современных шапок-ушанок было очень мало, их больше носили дети. Весной и осенью носили котелки (черные жесткие из фетра шляпы выпуклой формы) или фетровые шляпы, иногда без

полей, вывернутые из длинного фетрового колпака. Кепи носили немногие, цилиндры тоже только на свадьбах, похоронах или в случае особо торжественных событий. Летом обычно надевали соломенные шляпы – мягкие, фасона фетровой, но плетенные из тонкой соломы «панамы» или жесткие низкие «канотье», плетенные из широкой соломы с черной лентой.

Все служащие различных многочисленных контор, банков и других частных учреждений, приказчики из магазинов, поставленных на «европейский» лад, носили стоячие, жестко накрахмаленные белые воротнички, одинарные или двойные (отложные) с галстуками. Малоимущие служащие прибегали к появившимся в это время целлулоидным воротничкам, имитировавшим крахмальные и не требовавшим стирки.

Все сказанное об одежде не относится к простому народу. Рабочие, дворники, лавочники, ремесленники и уличные торговцы носили темно-синие или черные картузы, редко с лакированным козырьком, суконные черные или темно-синие поддевки, сапоги гармошкой, сатиновые или ситцевые рубахи на выпуск – косоворотки белые, голубые, малиновые или других неярких цветов, иногда в мелкий рисунок, подпоясанные широким кожаным ремнем или шнурками, с кисточками или шариками на концах. Часто поверх такой рубахи одевалась суконная

жилетка, из-под которой она свободно свешивалась. Без головных уборов никто никогда не ходил даже летом.

В простой «одежде» не пускали в хорошие рестораны, в партер театров и другие общественные места, посещаемые буржуазной интеллигенцией. Исключение делали для лиц этой же категории, сознательно демонстрировавших национальный русский стиль одежды.

Все сказанное об одежде относилось только к мужской одежде. Женщины одевались по-разному, в зависимости от сословия и достатка, но ярких одежд на улице не носили. Шляпы в эту пору были громоздкие, в соответствии с модой: то со страусовыми перьями, то с чучелами маленьких птичек, то с перьями «эспри», то с большим количеством искусственных цветов и даже ягод, например, вишни. Перчатки длинные, почти до

локтя. Женщины среднего достатка носили шляпы меньшего размера, более скромные, а еще более стесненные в средствах носили кружевные шали, платки самые разные, вплоть до ситцевых.

Работницы, прислуги и другие женщины простого звания, среднего возраста стремились обзавестись «саком» или жакеткой с небольшими буфами на плечах, плотно обтягивающей талию и сшитой из тисненого черного плюша.

Многие приказчики, музыканты, официанты, мелкие служащие и т.п., от которых требовалось носить черный пиджак или смокинг с крахмальной сорочкой, прибегали к пользованию «манишками», представлявшими собой белый пикейный нагрудник с крахмальным воротничком, одевавшийся под жилетку на любую рубаху – стирка стоила дешевле.

Бороды носили преимущественно люди старшего поколения и врачи. Обычно бороды подстригались «клинышком» или «лопаткой», а иногда по середине подбородка оставлялась только маленькая «эспаньолка». Безусые мужчины встречались редко – обычно это были актеры.

Об одежде легковых извозчиков уже было сказано. Это была своего рода обязательная форма. Кондукторы трамвая, пожарные, почтальоны, посыльные (о них речь пойдет позже) также были одеты в соответствующие виды форменной одежды. Татары, проживавшие в большом количестве в Москве и занимавшиеся преимущественно скупкой старых вещей или служившие дворниками, выделялись в общей массе жителей своими низенькими черными каракулевыми шапочками – почти тюбетейками. Китайцы – бродячие торговцы или фокусники – носили свою национальную одежду – халат синего цвета, туфли – опорки с короткими онучами на ногах, маленькие шапочки. При этом у них были бритые наголо лбы и длинные толстые черные косы сзади, доходившие до талии. Приезжие из деревень крестьяне были обычно обуты в лапти с онучами, в сермяжных одеждах коричнево-бурого цвета, с заплечными мешками на веревочных лямках. Чемоданов в деревнях не употребляли, их заменяли небольшие деревянные сундуки с висячими замками или плетеные корзинки.

Вся разноодетая толпа прохожих не была яркой и нарядной. Общий тон одежды был темный. Только

летом мелькали белые гимнастерки и кители учащихся, военных и чиновников, да белые блузки женщин. Единственно ярким пятном на московских улицах, особенно летом на бульварах, была одежда кормилиц, которых нанимали в богатых семьях для грудных малышей. В большинстве случаев это были дородные молодые женщины, часто красивые, отдававшие своих младенцев в деревни в чужие семьи и поступавшие на службу в городе за «хорошие харчи» и заработок, превышавший заработок хорошей прислуги. Было принято в богатых семьях одевать кормилиц в русскую национальную одежду – нарядный сарафан, расшитый кокошник с разноцветными сатиновыми лентами сзади, с пышными расшитыми рукавами. Прогуливаясь по бульвару и толкая впереди себя плетеные коляски с младенцами, эти женщины украшали окружающую обстановку, вызывая умильные взоры солдат и пожарных, встречающихся на их пути.

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

7

Административное деление города. Полиция, жандармерия, пожарная служба

На первое января 1917 года в Москве было 27 полицейских частей и 7 самостоятельных участков, расположенных на окраинах города. Каждая полицейская часть обслуживала определенную территорию и именовалась присвоенным ей званием, например: Тверская, Сущевская, Таганская и т.п., происходящим от названия одной из главных улиц, находившихся на ее территории. Каждая часть делилась на участки, обозначенные номерами, например: 2-й участок Тверской части.

Городовые, т.е. рядовой состав полиции, имели на фуражках бляху в виде ленточки из белого металла с выгравированной надписью, обозначавшей сокращенно название части и номер участка. На территории каждой полицейской части находилась отдельная пожарная часть (команда), почти всегда со своей каланчой. Кирпичные каланчи сохранились до настоящего времени – одна у станции метро «Сокольники», другая у Ново-Спасского монастыря, третья – на Сущевской улице. На галерее, расположенной в верхней части каланчи, круглосуточно дежурил пожарный, наблюдая за местностью поверх крыш домов. В случае видимого возникновения пожара он давал сигнал вниз в помещение дежурной команды, которая собиралась и выезжала в указанном им направлении в течение 2-3

минут, включая упряжку лошадей. Эта система сохранилась до самой революции, а на окраинах и несколько лет после нее, несмотря на наличие телефонной связи уже в 1900-х годах.

Во главе полицейской части стоял «пристав» – полицейский офицер, обычно в чине полковника или подполковника. В подчинении пристава находилось несколько околоточных надзирателей – младших полицейских офицеров, ответственных за порядок в определенном микрорайоне.

Околоточные надзиратели получали очень небольшие оклады и жили за счет приношений от лавочников своего района, домовладельцев и других взяткодателей. Естественно, что по доходности районы сильно отличались друг от друга. Были очень доходные, например, район Охотного ряда и других торговых улиц. Окраинные рабочие районы этим не отличались, что и служило средством поощрения и наказания полицейских чинов, путем перевода их из одного района в другой.

В обязанности полиции, помимо обыкновенных полицейских функций, входило следить за чистотой улиц, состоянием санного пути, зимним содержанием тротуаров. Патрулирования улиц городовыми не практиковалось. Они стояли на своих постах в определенном месте. Околоточные, при дежурстве на улицах, прохаживались вдоль улиц по тротуарам, иногда посредине мостовой.

Городовой на посту (1910-е гг.).

Помощниками полиции были дворники, обязанные нести постоянные дежурства около ворот своего дома «при свистке на красном шнуре и номерной бляхе на груди». Ворота домов на ночь запирались и открывались дежурными дворниками по звонку, что служило поводом для получения «на чай» от возвращавшихся гуляк.

Во главе полиции находился «градоначальник», резиденция которого была на Тверском бульваре, на месте нового здания МХАТа. Там же находился полицейский резерв городовых, а сзади дома градоначальника, в Большом Гнездиковском переулке, Охранное отделение, получившее прозвище «охранка» и сожженное в первый день февральской революции.

Жандармское отделение вместе с казармой и конюшнями находилось на Петровке 38 в старинном здании, перестроенном после революции. Жандармерия не несла внешних караулов, за исключением торжественных дней или праздников в хорошую погоду, когда для «парадности» жандарм в парадной черной лакированной каске восседал на своем неподвижном коне на Страстной (Пушкинской) площади среди снующих экипажей и прохожих.

При возникновении крупных уличных «беспорядков» в помощь полиции вызывался наряд конных жандармов, а в особо серьезных случаях казаки из квартировавших в Москве казачьих частей. Казаки не применяли имевшегося у них оружия и осаживали толпу крупами лошадей, а при разгоне толпы действовали своими кнутами – «нагайками», имевшими на концах

маленький кожаный мешочек с вшитым куском свинца или пулей. Такая нагайка действовала сильнее другого холодного оружия.

Кроме разделения территории города на полицейские части, было деление на судебно-деловые участки. Их в Москве было 56.

Казаки разгоняют рабочую демонстрацию.
С картины В. Мазуровского (1905-1906)

Аресты и задержания граждан происходили вежливо, но, если задерживался человек «простого звания», его могли взять за шиворот, толкать и «бить по морде» запросто, что приходилось неоднократно видеть. Для сопровождения арестованного, особенно пьяного, полиция имела право привлекать свободных извозчиков. Последние норовили удрать от такой неприятной обязанности, но, если она оказывалась неизбежной, извозчик доставал из-под сиденья имевшийся для такого случая коврик и закрывал им

сиденье и пол пролетки, дабы не испачкали. Полицейская и пожарные части обычно находились в одном здании.

В Москве было твердо установленное, но не писаное правило. На Рождество и Пасху и в день «тезоименитства» государя-императора городовой, пожарный, почтальон, дворник и трубочист (была и такая, весьма необходимая профессия), а заодно и водопроводчик – все по одному приходили в каждую квартиру с черного хода «поздравить с праздником» и получали свою мзду. Размер ее определялся имущественным положением квартиросъемщика и был в пределах от 10 копеек до 1 рубля. В рабочие квартиры такие поздравители не ходили. Кухарки, обычно неравнодушные к таким служивым, подносили им разные угощения, иногда тайком от хозяев.

Следует сказать особо о московской пожарной службе, про которую москвичи любили говорить, что она являлась образцовой. Это не мешало, впрочем, происходить большому количеству пожаров вплоть до таких больших, как пожар в пассаже на Петровке, когда сгорел дотла весь пассаж «Голофтеевская галерея» за несколько часов в 1912 году.

Пожар в Малом театре (1908 г.)

Пожарные обозы были конными. Только в двух частях – Городской и Арбатской – были заграничные специальные автомобили, да брандмайор имел для выезда на пожар 7-ми местный открытый «Мерседес» красного цвета.

Конный пожарный обоз состоял из четырех повозок: две парнокопытные линейки с личным составом, одна пароконная повозка с рукавами, гидрантом (колонкой) и факелами, одна трехконная (иногда с четверкой) с раздвижной пожарной лестницей, достававшей до крыши, примерно, 5-ти этажного дома. Все повозки были на железных шинах, массивные и запрягались сильными, хорошо упитанными лошадьми, способными к рыси. Каждой части соответствовала определенная масть лошадей.

Пожарный обоз с паровой машиной в Москве
(начало 1900-х гг.)

На каждой повозке висел небольшой медный колокол, звонивший всю дорогу. На первой линейке сидел горнист, громко сигналил для беспрепятственного движения. Иногда горнист скакал верхом впереди обоза. С грохотом и звоном, под звуки горна мчался обоз по улицам Москвы, сопровождаемый взглядами останавливающихся прохожих и шарахавшихся в сторону извозчиков. На третьей линейке сзади развевался красный флаг с черным знаком из расположенных в линию сплошных кругов и поперечных черточек, по которым можно было определить, что это за часть.

Сильные лошади, красные повозки, брезентовые робы бравых усатых пожарных в сверкающих медных касках воистину создавали красивое зрелище.

Снаряжение московских пожарных (1903 г.)

Пожарная техника была примитивной, но не отсталой. Вся Москва имела водопроводную пожарную систему с подземными люками для установки гидрантов. Напор воды был достаточным для тушения пожаров в зданиях высотой в 2-3 этажа. Ручные пожарные насосы еще имелись в 1909 г. в окраинных пожарных частях, где было много деревянных домов и еще не была доведена водопроводная линия. В Пречистенской и Сретенской пожарных частях (возможно, и еще в каких-нибудь) были пожарные паровые насосы на конной тяге. Они имели вертикальные паровые

котлы с быстрым парообразованием и поршневые насосы, развивавшие давление, достаточное для подачи воды на самый высокий московский дом. За время проезда от части до места пожара котел успевал развить пары.

Личный состав пожарной команды (дежурной) состоял из 30-35 человек во главе с брандмейстером. Он подразделялся на топорников, вооруженных пожарными топорами и ломами, ствольщиков и подствольщиков (первый носил через плечо на цепочке бронзовый брандспойт, обмотанный брезентовой лентой, второй помогал ему подтаскивать рукав), колонщиков, устанавливавших гидранты и управлявших ими, кучеров и горниста. Обязанностью последнего было находиться при брандмейстере на пожаре и подавать горном сигналы по особому шифру, например: «Арбатская воду давай», «Отбой» и т.д.

На мачте каланчи пожарной части, выехавшей на пожар, вывешивался знак из цепочки черных шаров и поперечин, обозначавших часть, в которой происходил пожар. При больших пожарах объявлялся «сбор всех частей». Кроме того, в зимнее время при морозах -25 градусов на мачте каланчи вывешивался небольшой красный флаг, означавший освобождение учеников в средних школах от явки на занятия по случаю сильного мороза.

Слаженность и организованность действий пожарных по прибытии на место пожара был высоки, в особенности, если огонь был сильным и горящий объект важным. Одни быстрым шагом в строю направлялись к огню, другие быстро ставили гидранты и прокладывали рукава, третьи ставили лестницы и т.д. Каждый знал, что ему надо делать и все действовали без толкучки и суматохи.

Но при этом ломалось многое. Нещадно выламывались оконные рамы, сдиралось железо с крыши. Словом, топоры, ломы и багры действовали эффективно, но не всегда обоснованно. После пожара брандмейстер осведомлялся у владельца горевшей фабрики, склада или магазина: «На

сколько желаете убытка узнать в протоколе?». Это делалось ради получения страховой премии и соответствующей мзды брандмейстеру.

Пожарные пользовались успехом у домашней прислуги, особенно у кухарок – медная каска, бравый вид – что ни говори. Когда требовательная хозяйка заставала на кухне пожарного и собиралась выразить по этому поводу неудовольствие, следовало заявление провинившейся: «Это мой кум пришел меня навестить!». Отсюда пошло выражение – «Кум пожарный».

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

8

Торговля, сервис, медицинское обслуживание

Москва была крупным торговым центром и, одновременно, крупным железнодорожным узлом. Количество расходящихся от Москвы во все стороны железных дорог было таким же, как и сейчас. Каждая дорога имела свою подмосковную товарную станцию с крупными складами.

Товары, предназначенные для Москвы, хранились до поступления в розничную или мелкооптовую торговлю в многочисленных подвалах и складах в самом городе и, особенно, в Китай-городе. Огромное количество ломовых извозчиков развозило их с раннего утра до ночи по улицам города. Некоторые фирмы и многие фабрики имели свой собственный гужевой транспорт или пользовались услугами владельцев конных обозов.

Крупная оптовая торговля, охватывавшая не только московских потребителей и не только всю Россию, но и многие зарубежные страны, была сосредоточена в основном в центре города, преимущественно в Китай-городе и прилегавших к нему улицах, в Деловом дворе (на пл. Ногина), в Софийском подворье. На Мясницкой (ул. Кирова) были сосредоточены фирмы, торгующие техникой. Оптовая хлебная торговля была сосредоточена в Гавриковом переулке. Торговля скотом происходила в районе Конной площади. Оптовая торговля фуражом

происходила на Сенной площади (теперь Тишинской). Овощами, ягодами, фруктами – на Болотном рынке, находившемся на месте нынешнего сквера против кино «Ударник».

Крупные рынки с палатками (подобие современных киосков, торгующих всевозможными товарами), были на многих площадях Москвы. На Сухаревской и Смоленской площадях были самые большие рынки*, там же шла торговля с рук и «в развал» всяким старьем, случайными вещами, в том числе краденными. Существовал и пресловутый Хитров рынок, об Охотном ряде будет сказано особо. На Трубной площади шла торговля птицами, собаками и прочими зоотоварами.

Рынок на Трубной площади в нач. XX в.

---

* В Москве слово «базар» не было принято. Оно применялось только к Вербному базару на Красной площади (*Прим. авт.*).

Вдоль Китайгородской стены против Политехнического музея был книжный развал – торговля старыми книгами, среди которых было немало интересных и ценных.

Букинистические лавки у стены Китай-города. С гравюры И. Павлова из серии «Старая Москва» (1940е гг.)

Говоря о дореволюционных московских рынках, следует отметить, что ассортимент товаров на них значительно отличался от современного. Пищевые продукты не преобладали, несмотря на большое количество продавцов-крестьян. Они привозили не

только продукты питания. Большую долю товаров, поставляемых из деревень, составляли лубяные и щепные изделия: сита, решета, корзины, рогожи, плетеные короба, лукошки, деревянные игрушки, деревянные лопаты, скалки, вальки, деревянные ложки, корыта и прочие предметы домашней утвари.

Следует иметь в виду, что дерево было универсальным поделочным материалом в старой России, доступным крестьянам средней и северной части страны.

Основная масса продовольствия продавалась населению через магазины, имевшиеся почти в каждом переулке центральной части города. На главных улицах таких магазинов было мало (их называли «лавками»), так как арендная плата помещений на этих улицах была высокой, дороже, чем в переулках, а контингент покупателей был местный и на прохожих, случайных покупателей, рассчитывать не приходилось. Обычно в ассортименте таких лавок было мясо, бакалея, «колониальные» товары и дешевые кондитерские изделия: леденцы, пряники и т.п., а иногда и овощи.

Широко практиковалась продажа продовольственных товаров в кредит. Желающие пользоваться кредитом

получали в лавке заборную книжку – узкую, длинную, в жестком добротном переплете, в которую записывались отпущенные продукты и их стоимость. Запись вел хозяин лавки и его жена, а иногда и старший приказчик, т.е. лицо, восседавшее за кассой. Кассы во многих магазинах имели кассовые аппараты современного типа, клавишные, но с ручным приводом, с таким же, как и теперь, выдвижным ящиком для денег. Они имелись даже в парикмахерских. Их удобство для торговли и отчетности сразу было оценено владельцами магазинов.

По договоренности с покупателем, счет за отпущенные в кредит продукты выставлялся в определенные сроки и оплачивался наличными.

Помимо лавок широко практиковалась продажа продуктов вразнос лотошниками, ходившими по дворам и выкрикивавшими название своих товаров. Свой товар они носили на головах, в плоских деревянных лотках-корытах, прикрытых сверху куском полосатого матрасного тика, прибитым к одному концу лотка гвоздями и ловко закрученным вокруг другого конца. Такой лоток

с товаром мог весить больше двух пудов и на фуражку под лоток подкладывался кружок в виде бублика, сшитый из материи и набитый ватой, тряпьем или конским волосом. Носили лоток на голове ловко, не всегда придерживая рукой, и умело снимали, подставив одно колено и преклонив другое. Если товар был весовой, то за поясом у продавца были весы-безмен.

Таким же образом носили на головах большие плетеные корзины с живыми цыплятами или «курами-молодайками» и деревянные ушаты с водой, в которых плавала живая рыба. Рыба при продаже зацеплялась крючком безмена за жабры и, если вес оказывался

неподходящим, снималась с крючка и пускалась плавать обратно в ушат.

Для того, чтобы снять с головы тяжелый ушат или поставить его обратно на голову, не пролив ни одной капли, требовалось немало силы и ловкости, а чтобы нести на голове воду в плоском ушате, не расплескивая ее, надо было иметь хорошую выучку.

Лотошники, торговавшие фруктами и ягодами, носили с собой легкие складные козелки в виде буквы «Х», которые подставлялись под лоток на стоянке, а иногда лотки ставились на каменные тумбы у ворот дома. Ставить лоток разрешали только в определенных местах, не всегда выгодных для торговли. Это приводило к нарушению правил, за что отвечали городовые, мирившиеся с продавцами за некоторую мзду.

Помощник московского градоначальника по фамилии Модель имел маленький открытый двухместный автомобиль марки «Опель», на котором он выезжал из дома градоначальника на Тверском бульваре. При его появлении городовые, зорко

наблюдавшие за его перемещением, мгновенно подавали знаки лотошникам, стоявшим в неположенных местах, а те хватали свои лотки, часто не успев их закрыть, бросались врассыпную, спасаясь в воротах ближайших домов, и выползали обратно после проезда начальства.

Некоторые продавцы, торговавшие вразнос, имели одноосные ручные тележки, с которыми ездили по дворам. Так продавались арбузы.

Далеко не все разносчики были самостоятельными. Большинство из них было вынуждено работать от хозяина, покупавшего товары оптом по более низкой цене, имевшего погреба, кредит и другие преимущества и наживавшегося на лотошниках.

Среди всех лотошников существовали неписаные законы о распределении зон торговли между ними. Как правило, один и тот же двор посещали одни и те же торговцы, а если появлялся какой-нибудь чужак, то он рисковал подвергнуться репрессиям со стороны первых, о чем можно было судить по их угрозам, производившимся вслух при встрече со своим конкурентом.

Кроме продовольственных лавок, разносчиков и рынков, обслуживавших преимущественно определенный ближайший район, существовал пресловутый Охотный ряд и несколько пользовавшихся широкой известностью продовольственных магазинов, посещавшихся покупателями из разных районов.

Охотный ряд хорошо описан Гиляровским. Не стоит здесь упоминать о грязноватых лавках, набитых всякой снедью и расположенных в низких домах, на месте которых сейчас стоит гостиница «Москва». Наиболее характерным для Охотного ряда были деревянные палатки – киоски без единого стекла, закрывавшиеся на ночь глухими ставнями. Они стояли

Охотный ряд. Начало XX в.

в один ряд, близко друг к другу, по краю широкого тротуара напротив лавок. Помимо товаров, лежавших в палатках и развешанных на них везде, где только было возможно, вокруг каждой палатки находились открытые бочки с различными солениями, набитые рогожные кули, мешки, решета, корзины.

Товары в палатках: мясо, молочные поросята, битая неощипанная птица, дичь, иногда даже лебеди, подвешенные за свои длинные шеи, соленая и

мороженая рыба всевозможных сортов, икра рыбная, соленые снетки для щей (самый дешевый вид рыбы для супа), сельдь от самой мелкой до огромного астраханского залома, овощи, колониальные товары – изюм, перец, корица, сладкие стручки и другое и даже охотничьи лыжи, лукошки и т.п. Все, кроме печеного хлеба и кондитерских товаров. Если требовалась упаковка, то не было никаких картонных коробок: либо «фунтик», свернутый в конус из плотной бумаги, либо лукошки, рогожные кульки, корзинки, плетенки из тонкой щепы. Расчет – только за наличные, «деньги на бочку», в буквальном смысле этого слова, без всяких кассовых аппаратов и после отчаянного торга, с клятвенными заверениями продавца, что уже так дешево продает, что себе в убыток. При этом неизменный обвес покупателя при уверении, что вешает с «походом», то есть с превышением требуемого веса.

Продавцы здоровенные, красномордые, все в черных суконных картузах и фартуках, бывших когда-то белыми. Все они опора полиции и враги всего нового.

Тут же недалеко от палаток Охотного ряда, в домах, стоявших напротив гостиницы «Националь» – магазин с вывесками «Пух-Перо», а в первом этаже гостиницы, в витрине закругленного ее угла, большая пирамида из стеариновых свечей всех размеров, во главе с центральной «пудовой», высотой около метра и толщиной сантиметров в пятнадцать.

Для меня всегда было загадкой, как Охотный ряд с его архаическими нравами мог уживаться со строгой Театральной площадью, Благородным собранием (Дом

союзов), вполне европейской гостиницей «Националь» и главной улицей города – Тверской.

Гостиница «Националь» (1900е-1910е гг.)

В числе упомянутых известных продовольственных магазинов, которые сейчас бы назывались «фирменными», были Елисеева, Громова, Белова, Леве и Депре, Филиппова и некоторые другие.

Елисеевский магазин, существующий и поныне («Гастроном» № 1 на ул. Горького), не был доступен для широких масс. Товары в нем были первосортными, дорогими. Если обычная мелкая селедка стоила от 1 до 3-х копеек за штуку, то у Елисеева селедки такого же размера стоили 30 копеек. Лососина, осетровая рыба, семга, черная икра, балыки, колбасы «салями» и другие копчености были самого высшего качества и

соответственно дорогие. Там же торговали самыми дорогими фруктами: ананасами, апельсинами и мандаринами, бананами, дорогими сортами яблок, шикарно декорированными наборами фруктов с ананасом и бутылкой шампанского в центре корзины. Орехи разных сортов стояли в открытых бочках красного дерева с начищенными латунными обручами и большими латунными совками, воткнутыми в орехи. Мясом, овощами, сырой рыбой и кондитерскими товарами не торговали – только гастрономией в точном смысле этого слова. Естественно, что этим магазином пользовалась только буржуазия.

Магазин Громова находился в Охотном ряду, за церковью на месте нынешнего дома Советов Министров. Он славился сельдями особого посола – так и говорили: «громовская селедка». Магазин Белова также был одним из лучших гастрономических магазинов.

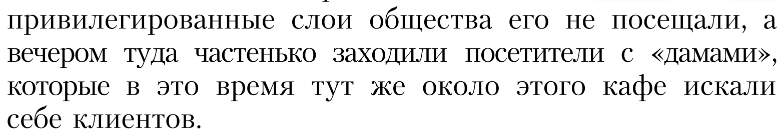
Магазин Леве торговал французскими винами. Он помещался в Столешниковом переулке, там же, где находится теперь винный магазин. За ним в глубоко уходящих вдоль Большой Дмитровки (ул. Пушкина) дворах были винные склады, а сам владелец жил в особняке, ныне достроенном двумя этажами для Академии архитектуры (ул. Пушкина). Винный магазин Депре находился на Петровке около Кузнецкого моста, там, где сейчас часовой магазин.

Дом и магазин Депре на Петровке (современный вид)

Булочник Филиппов имел собственный четырехэтажный дом на углу Тверской и Глинищевского переулка (ныне ул. Немировича-Данченко). Он был надстроен в 30-х годах двумя этажами и занят сейчас гостиницей

«Центральной». Раньше в верхних этажах даже была гостиница «Люкс», а в первом этаже находилась булочная и кафе. Вход был прямо с Тверской – одна дверь в булочную, другая в кафе.

Хорошо оборудованная кухня находилась в подвале, а производственные корпуса пекарни были во дворе в четырехэтажных корпусах, снабженных по тем временам новейшими машинами.

Кафе, несмотря на большие размеры и хорошее оборудование, было весьма демократичным и привилегированные слои общества его не посещали, а вечером туда частенько заходили посетители с «дамами», которые в это время тут же около этого кафе искали себе клиентов.

Филиппов был самым известным булочником в Москве и имел такую же торговлю в Петербурге, но поскромнее, чем в Москве. На вывесках у него красовались гербы с надписью «Поставщик двора Его Величества».

Хотя это звание имели многие фирмы и приобреталось оно за деньги, надо отдать справедливость отличным хлебным изделиям этой фирмы: пышный белый «ситный» хлеб с изюмом, калачи и жареные пирожки с разной начинкой были вне конкуренции. Кроме того, была всевозможная сдоба (плюшки),

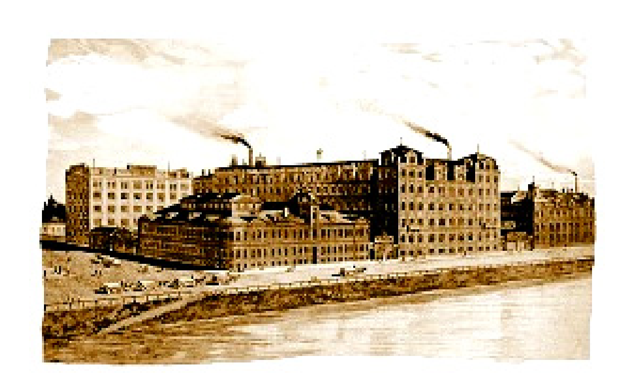
пирожные, булочки, черный хлеб, баранки, сушки и т.п. Никакой внутренней стены между булочной и кафе не было, и официанты могли подавать любой товар прямо из магазина на столик кафе, помимо блюд, заказанных на кухне.

Были еще фирмы Чуева и Казакова, имевшие в Москве много магазинов-булочных и свои пекарни.

Специализированные кондитерские магазины в центре города принадлежали иностранцам Сиу, Эйнем и Альберт. Первые две фирмы имели свои большие

кондитерские фабрики. Из русских кондитеров наибольшей известностью пользовался Абрикосов, имевший магазин на Тверской, рядом с домом генерал-губернатора. Фирма Сиу не стеснялась одновременно торговать писчебумажными и парфюмерными товарами.

Фабрика Эйнем в Москве (нач. XX в.)

Монополистами в торговле молочными продуктами были две фирмы: Чичкин и Бландов, если не считать несметного количества молочниц, привозивших молоко в бидонах из подмосковных деревень и разносивших его по квартирам.

Чичкин и Бландов продавали молоко в бутылках, снабженных фарфоровыми с резиновым кольцом пробками, запиравшимися проволочным замком остроумной конструкции. Простокваша продавалась в белых фарфоровых стаканчиках, закрытых жестяной крышкой и оклеенных бандеролью с датой изготовления. Кроме того, продавалось разливное молоко, сметана, масло, сыр,

вареные колбасы, ветчина – все по ценам, доступным широким слоям населения. На фарфоровых пробках, на крышках стаканчиков было написано название фирм. Продавцы в этих магазинах были в чистых белых одеждах, на запястьях черные лакированные краги. Имелись красиво оформленные машины для резки ветчины и толстых колбас. До сих пор в Москве можно видеть фасады магазинов, отделанные белой глазурованной плиткой, с окаймлением вывески такими же плитками зеленого цвета – в них находились молочные магазины этих фирм.

Многие продовольственные товары продавались не на вес, а на меру, то есть по объемным меркам, также клейменным Палатой мер и весов, как и гири. Картофель, другие овощи, яблоки и другие продукты, в том числе и зерно, можно было покупать на «меру», «полмеры» или «четверку» (четверть меры), молоко – на «кружку», сахар – «головой», то есть целым куском, имевшим вид головки артснаряда, обернутой в синюю бумагу с обнаженным концом.

Торговля штатской и форменной одеждой, обувью, головными уборами, бельем, текстильными товарами, галантереей, часами, ювелирными изделиями, книгами, произведениями живописи, музыкальными инструментами и нотами, охотничьими принадлежностями, церковной утварью, иконами и т.п. товарами производилась только в специализированных магазинах.

Универсальный магазин «Мюр и Мерилиз» в 1900-х гг.

Универсальных магазинов в Москве было только два: Мюр и Мерилиза (ныне ЦУМ) и Экономического общества гвардейских офицеров (ныне Военторг). Зато магазинов, торговавших товаром одного вида, было множество и выбор товаров был большим, а цены обычно были «с запросом», то есть можно было

торговаться, добиваясь скидки. В некоторых магазинах висели над прилавками маленькие вывески с надписью: «Цены без спроса», что означало отказ от скидки.

Кроме указанных универсальных магазинов, в Москве существовали крупные пассажи – Верхние торговые ряды (ГУМ), Лубянский пассаж (на месте магазина «Детский мир»), четыре пассажа на Петровке, один на Тверской (сейчас театр им. Ермоловой). Эти пассажи были по существу универмагами, но каждый находившийся в них магазин принадлежал своему владельцу и имел свою внутреннюю вывеску.

Кузнецкий мост (1900е-1910е гг.)

Наиболее фешенебельные магазины были на Кузнецком мосту, Петровке и в Столешниковом переулке. Подавляющее количество магазинов на этих улицах

принадлежало иностранцам – Альшванг, Депре, Вера, Буре, Мозер, Эйнем, Вейс, Аванцио, Дациаро, Каде, Жак, Шанкс (английские товары – предметы туалета, комфорта и роскоши по очень высоким ценам), Фаберже, Швабе, Триака, Жемличка, Леве, Вандра, Виркау и другие. Одиночкой среди них выглядел меховщик Хлебников (там же на углу Петровки).

Продавцов-женщин в магазинах почти не было, кроме кондитерских магазинов, галантереи и женского платья, да универмага Мюр и Мерилиза. Последний принадлежал англичанам под этими фамилиями и там было поставлено все по-заграничному. Женщины за прилавками в прочих магазинах стали появляться только с начала войны в 1914 году и то не сразу.

Интерьер кондитерского магазина А. И. Абрикосова
на Кузнецком мосту (нач. XX в.)

Подавляющее число продавцов было одето «чисто»: в пиджачные костюмы темных цветов, с крахмальными

белыми воротничками, волосы на пробор, прилизанные, за ухом карандаш для выписки чека в кассу. В магазинах попроще – в косоворотке, иногда без пиджаков, в одних жилетах. Некоторые продавцы работали с «шиком», особенно в мануфактурных магазинах (текстильных): лихо подбрасывали кусок материи так, что он разматывался на лету и материал ложился волнами на прилавок. О пререканиях с покупателями не могло быть и речи. Сколько бы ни требовала привередливая покупательница показать кусков, не собираясь ничего купить, все показывалось беспрекословно со словами «чего прикажете-с», «извольте-с», и т.п.

Покупки завертывались в бумагу и обвязывались шпагатом, иногда узкой цветной ленточкой, к которым присоединялась ручка из проволоки с надетой на нее бумажной трубкой, склеенной фирменной этикеткой,

либо круглая деревянная палочка с проточкой по середине, вокруг которой завязывался шпагат.

Постоянным или приглянувшимся покупателям в кассе иногда вручался «презент» в виде коробочки леденцов, маленькой шоколадки, карандашика и т.п., стоимостью несколько копеек, часто с наименованием фирмы или магазина. Если покупка оказывалась большого размера или веса, один из приказчиков, чаще мальчик-ученик, а в большом магазине швейцар, бегал за извозчиком для покупателя, получая, конечно, за это на «чай».

Нужно сказать, что никаких «авосек», чемоданчиков, больших сумок, толстых портфелей никто не носил. Простой народ носил покупки в заплечном мешке. Кто побогаче – нанимал извозчика и укладывал покупки за спинку сиденья вверху пролетки. Богатые поручали магазину доставить покупки на дом. Для этой цели были небольшие крытые фургоны, обычно одноконные, с надписью фирмы на боковых стенках. Кухарки и домохозяйки, покупая продукты, пользовались мягкими плетеными сумками, открытыми сверху, с двумя ручками.

Женщины из зажиточных семей, не доверявшие покупок кухарке и сами отбиравшие продовольственные товары в лавках и на рынках, поручали мальчикам, имевшимся в каждой лавке, донести покупки до дому, конечно, не без чаевых.

В местах большого скопления богатой публики, например, на Петровке, или у кафе Филиппова на Тверской, постоянно дежурили «посыльные», одетые в форму, подобную военной форме времен скобелевских походов – серые мундиры и кепи французского образца. На груди у каждого была овальная металлическая бляха с выгравированными словами «посыльный» и номером. Любой человек мог дать такому посыльному поручение, например: доставить записку по указанному адресу и, если нужно, принести ответ; отнести покупку; доставить цветы с поздравлением и т.п. Никаких расписок от посыльного не требовалось – нужно было только запомнить номер бляхи и вручить ему небольшую оплату. Все посыльные были членами артели, и она отвечала за неисполнение и пропажу. Обычно посыльный получал вторую мзду от получателя.

Чистильщиков сапог было много, почти на каждом углу оживленных улиц. Они имели небольшие шкафчики, табуретку и подставку для ноги. Стульев или кресел для клиентов не было, во время чистки ботинок они стояли. На открытых дверцах шкафчика

развешивались шнурки и плетеные соломенные стельки, на полочке выставлялись банки с гуталином.

Газетных киосков не было. Их заменяли стоявшие у стен домов шкафчики, почти такие же, как у чистильщиков обуви. На дверцах натягивались веревочки, на которых, с помощью деревянных бельевых зажимов, развешивались газеты, журналы и неизбежная бульварная литература, вроде бесконечно продолжавшихся приключений сыщиков Нат Пинкертона, Ника Картера и Шерлока Холмса, не имевшего никакого отношения к Конан Дойлю.

Книжных магазинов было мало. Наиболее крупный был в доме Сытина на Тверской, там же было его издательство, типография (во дворе) и редакция газеты «Русское слово». На базе этого издательства возникли советские газеты «Известия», «Труд» и ряд других изданий.

Если говорить о «сервисе» в Москве описываемого периода, то будет правильным признать, что никакого специально-организованного сервиса не было, кроме указанных посыльных. Конечно, имелось большое количество ресторанов, трактиров, гостиниц и меблированных комнат, сдававшихся в наем с исполнением (по желанию съемщика) разного вида услуг, вплоть до питания. Было достаточно бань, были прачечные, артели полотеров и протирщиков стекол в

витринах магазинов и многое другое. Но все это нельзя было назвать организованным сервисом, да и такого слова тогда не было. Все эти услуги возникали как коммерческие предприятия и преследовали единственную цель – прибыль, а не удобство для населения. Качество обслуживания определялось ценой услуг и опасностью конкуренции. Реклама предприятий (контор, артелей) обслуживания была ничтожной. Простой народ – рабочие, ремесленники, приказчики, извозчики и прочие не прибегали к сфере обслуживания, кроме бань, магазинов и трактиров.

Почти 100% труда по обслуживанию этой части населения несли женщины – жены, матери, сестры, дочери. Они нянчили своих детей, кухарили, стирали, шили, штопали, наводили посильную чистоту, ходили за покупками в лавки «подешевле» и выполняли все остальные работы по домашнему хозяйству, умудряясь за 24 часа в сутки обслужить свою многочисленную семью, да еще помочь ей заработком по любой профессии, свойственной им по домашним обязанностям.

Все, кто мог оплачивать услуги, получал их в соответствии с затратами: от чистки обуви и услуг банщика до пользования постоянным извозчиком, подававшим свою пролетку в установленное время к месту, назначенному клиентом.

Очень многим можно было пользоваться, не выходя из дома – были бы деньги. Все можно было получать на дом, даже не имея прислуги.

Медицинская помощь была платной для всех, кроме беднейших слоев населения, пользовавшихся городскими больницами или услугами фельдшеров, имевшихся на больших предприятиях. Вообще население пользовалось услугами «частнопрактикующих» врачей, имевших у себя на квартирах кабинеты приема больных, а иногда содержавших небольшие лечебницы на несколько коек. Эти же врачи за определенную плату посещали больных на дому.

Случаи торга с больными за оплату лечения мне не известны, хотя неофициальная такса существовала почти у каждого врача и часто оплата не соответствовала средствам пациента. Врачи, пользовавшиеся большой известностью и обслуживавшие главным образом буржуазию, лечили больных по предварительной записи, с предупреждением о стоимости визита или курса лечения.

Вывески у врачей были скромные, небольшого размера, исполненные черными буквами по белой эмали. Иногда на улице не было никакой вывески, и только на двери квартиры имелась латунная дощечка с

выгравированной надписью. Наиболее часто встречались вывески врачей-венерологов, иногда крайне лаконичные, вроде: «Сифилис 606 и 914 по Эрлиху. Триппер хронический», дальше следовал краткий адрес и часы приема. Профессия венеролога считалась доходной.

Существовала и скорая помощь. Повозка в виде фургона с местами для двух носилок, с задней двойной дверцей, подрессорная, с колесами на резиновых монолитных шинах, с козлами для кучера и санитара, запряженная парой далеко не резвых лошадей, трусила по улице, подавая сигналы ударами звонка, действовавшего от педали. Цвет фургона – темно-коричневый или темно-синий, по бокам надписи золочеными буквами – «Скорая помощь». К услугам «скорой помощи» прибегали крайне редко, предпочитали пользоваться извозчиками.

9

Звуки Москвы

Москва была полна звуками, полностью исчезнувшими в настоящее время. Эти звуки ошеломляли провинциала, приехавшего впервые в Москву летом и попавшего на оживленные улицы, особенно с ломовым движением. Зимой было тише – снег глушил звуки, а двойные рамы в окнах делали многое неслышным.

Цоканье лошадиных подков по булыжникам, грохот колес ломовых телег; крики извозчиков на лошадей и рассеянных пешеходов; громкие и резкие звонки трамваев, грохот их колес по рельсам, визг и скрежет на

поворотах, крики разносчиков, карканье огромных стай ворон и галок, тучами возвращавшихся перед заходом солнца к своим гнездам в парках, бульварах и больших садах, звуки рожков еще редких автомобилей, наигрывающих целые мелодии или просто тявкающих на одной ноте; звуки шарманок, фабричные гудки и гудки паровозов в районах вокзалов и поездных путей к заводам, плывущий над городом колокольный звон церквей, все это составляло специфическую симфонию, которую никому и никогда не придется больше услышать.

Если вы находились в своей квартире, особенно выходившей окнами во двор дома, то звуки были с утра до вечера уже другого рода.

Непрерывно один за другим заходили торговцы-лотошники и бродячие мастеровые, всякие скупщики и люди разных профессий.

Появлялся лотошник с решетами, сложенными стопкой на голове, зычно возвещавший: «Э-э, вот садова малина, вишня-ягода, крыжовник!» Не успевал он выйти за ворота, как раздавалось: «Шурум-бурум! Старье-верье купаем!» – возвещал татарин-старьевщик с полосатым мешком за спиной и двумя, уже приобретенными шляпами на голове, одетыми друг на друга и скрывающими его собственную ермолку. Вслед за этим

раздавалось: «Кости покупаем, кости!» Затем: – «Рыба, живая рыба!» И так целый день один рыцарь сервиса сменял другого без плана, расписания и прочих способов порядка, словом – стихийно, но поодиночке.

Особую категорию составляли бродячие представители «культуры». То появлялись 2-3 слепых старца, ведомые мальчиком-проводником, одетые в крестьянские сермяги, часто босые, с неизменными длинными посохами. Остановившись всей группой, не снимая рук с плеч друг друга, они начинали «петь Лазаря» старческими голосами, сопровождаемыми дискантом мальчика. Иногда один из них аккомпанировал на скрипучем духовом инструменте, напоминавшем по размеру и форме скрипку без грифа и имевшем несколько клавиш и небольшую непрерывно вращаемую ручку. По окончании «концерта» ждали милостыню, выбрасываемую в форточки – медяки, иногда завернутые в бумажку, а иногда просто так, собирал мальчик-поводырь.

То появлялся шарманщик с одноногой шарманкой за спиной и попугаем или морской свинкой, обученными доставать из коробки за пятачок или три копейки «счастье» в виде пакетика-записки с предсказанием судьбы. Иногда в «счастье» был вложен грошовый сувенир – колечко, брошка или сережки, как сюрприз.

Иногда шарманщик появлялся с обезьянкой на цепочке, одетой в курточку или платье и обученной показывать простейшие трюки, вроде «Как Марья Ивановна за водой идет», причем палочка на плечах обезьянки должна была изображать коромысло.

Часто шарманщик приходил с певицей, а то еще и акробатом. Шарманщик крутил ручку шарманки, исполнявшей несколько вальсов или других

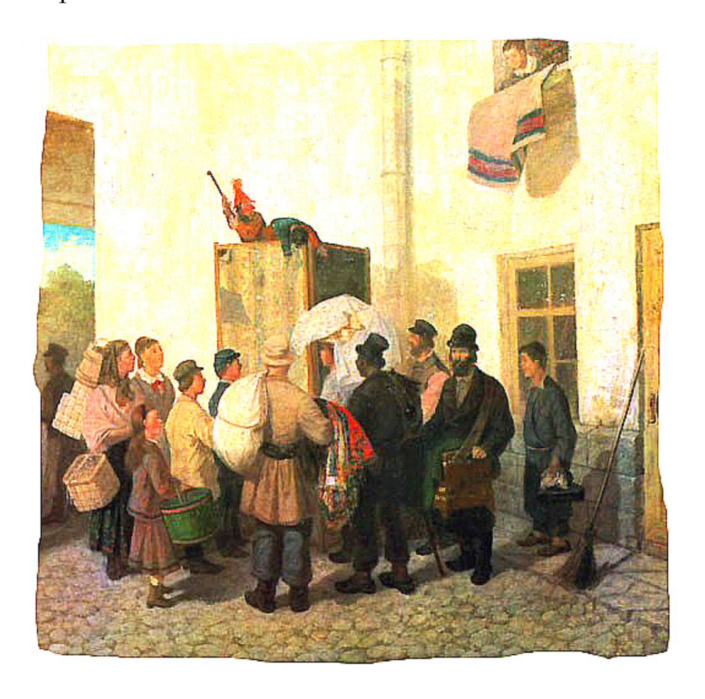
музыкальных произведений, певица надрывала свой пропитый голос, акробат скидывал одежду и, оставшись в трико, на расстеленном на земле коврике закладывал ноги за шею, становился на руки – словом, «ломался», как говорили мальчишки-зрители. Особенно интересно было посещение дворов цыганами, петрушкой и китайскими фокусниками.

Цыгане приходили группой, со скрипкой и бубнами, часто с медведем. Пели, плясали, заставляли медведя ходить на задних лапах по кругу, поворачиваться под

музыку, кувыркаться и также показывать, как «Марья Ивановна за водой пошла». Цыганки тут же гадали по руке или на картах. Выбрасываемые из окон медные монеты ловили в бубны.

Петрушка был любимым зрелищем детворы. Как только раздавался пискливый голос: «Э – вот Петрушка пришел!», вся детвора высыпала во двор, а к ней присоединялись ребята с соседних дворов, уже успевшие посмотреть этот спектакль.

Петрушка, шарманщик, татарин-старьевщик и уличные торговцы. Фрагмент картины Л. Соломаткина (1870-е).

Артист расставлял на земле квадратную ширму, скрывался в ней и наверху появлялись фигурки Петрушки, кулака-мироеда или различные неприятности, но с каждой из них он, в конечном итоге, разделывался по-своему, крича пискливым голосом и колотя нещадно палкой. Даже попав в гроб, он восставал из него и лупил палкой хоронившего его попа по высокой шляпе.

Несмотря на явную вынужденность бунтарских действий Петрушки против «властей предержащих» и других столпов общества, зрелище это было не запрещено и все слои населения с улыбкой радости воспринимали этот подлинно народный спектакль, щедро бросая в шапку артиста подаяние.

Фокусники-китайцы, одетые в синий халат, онучи и черные туфли, с бритыми лбами и длинной черной косой за спиной, с маленькой черной шапочкой-тюбетейкой на голове, были нечастыми и притом

молчаливыми гостями. Они ничего не выкрикивали и не паясничали. Молча, с хорошей мимикой и жестами они глотали крупные шарики, показывали и другие фокусы. Некоторые китайцы расставляли на легких складных козлах лоток с хитроумной постройкой вроде какого-то замка и пускали в него разноцветных мышей – серых, коричневых, белых и пегих, проделывавших сложные путешествия по замку, попадавших в тюрьму с деревянной колодкой на шее и т.п.

Нужно сказать, что по дворам ходили так же одетые китайцы-торговцы, с большими тяжелыми, завернутые в белые простыни, тюками на спине и с железным аршином в руке. В тюках находились сатин, китайская «че-су-ча» и другие дешевые текстильные материи. Им удавалось иногда находить покупателей, соблазнившихся доставкой товара прямо на дом.

Можно было видеть и китаянок в национальной одежде с туго забинтованными крошечными ступнями. В то время для китайских женщин маленькие ноги считались признаком изящества, и достигалось это тугим бинтованием ног с раннего детства. Эти китаянки продавали на улицах бумажные разноцветные веера, менявшие свою форму при встряхивании, или маленькие, цилиндрической формы, глиняные коробочки с бумажным дном-мембраной, привязанные на конском

волосе к маленькой палочке с восковой головкой. При вращении палочки коробочка вращалась вокруг нее, натягивая волос и издавая резкий, жужжащий звук. Они продавали маленькие, свернутые из бумаги цветные мячики на резинке, всегда возвращавшиеся после броска к своему владельцу.

Все посетители дворов – продавцы, артисты, мастеровые, кроме китайцев, непрерывно наполняли дворы своими голосами. Шумели дети, играя в салки, прятки, казаков-разбойников и прочие детские игры, доносились из окон звуки различных музыкальных инструментов. Негромкими голосами пели мастерицы у портных во время работы, что дозволялось и было принято вообще во многих мастерских без тяжелого физического труда. Проникали шумы и с улиц.

В чинных домах с дорогими квартирами описанных посетителей во дворы не пускали, и в воротах вывешивалась оскорбительная надпись: «Вход татарам, торговцам, музыкантам и мусорщикам воспрещается». Последних было много, но они не издавали никаких шумов, кроме шарканья своими опорками по асфальту или камню, и тихо копались своими палочками в помойках, выискивая бутылки, кости и прочий полезный

утиль, собираемый в грязный мешок ради полуголодного существования.

Во всех остальных домах москвичи были привычны к звукам, доносившимся почти беспрерывно с дворов и входившим в их жизнь так же, как бой часов и звон колоколов. Кстати о последних: ведь окна многих квартир находились прямо против колоколен, имевших несколько колоколов, подвешенных вокруг центрального большого колокола, издававшего гул, от которого вибрировали близ стоявшие стены. И, тем не менее, люди привыкали к этому и не обращали на это внимания.

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

10

Бульвары, парки, зрелища

В 1919 году я впервые поднялся на крышу самого высокого московского дома. Этот дом и сейчас стоит в своем первоначальном виде в Б. Гнездиковском переулке, что у Пушкинской площади, на одной из самых высоких точек Москвы. Дом этот 9-ти этажный, этажи по современным понятиям очень высокие. Его внутренняя планировка совершенно необычна для того времени: он построен по коридорной системе и имеет однокомнатные квартиры с малюсенькими кухнями. Комнаты большие, с альковом.

Доходный дом Нирензее (вид 1920х-нач.1930х гг.)

Интересна история этого дома. Он принадлежал владельцу Нирензее, продавшему его банкиру-аферисту по прозвищу Митька Рубинштейн, а тот по каким-то соображениям подарил его (так говорили) царскому фавориту-проходимцу Распутину.

В подвале этого дома находился небольшой театр-кабаре «Летучая мышь», организованный талантливым актером Балиевым, работавшим до этого во МХАТе, а после эмигрировавшим в начале революции за границу. Театр охотно посещался буржуазией, в особенности нуворишами.

Впоследствии в его помещении начал работать цыганский театр «Ромэн».

Крыша этого дома была плоской и пользовалась для открытого ресторана, имевшего и закрытый павильон, на котором возвышалась дымовая труба в виде квадратной башни с площадкой наверху, вроде капитанского мостика. Высота ее соответствовала 12-му этажу.

После революции, еще до НЭПа, рассеялись как дым буржуи и им подобные, исчезли все кабаре, ресторан был закрыт и дом перешел в собственность Моссовета.

Знакомый киномеханик, бывавший в этом доме, пригласил меня в летний солнечный день 1920 года посмотреть в бинокль на Москву с «птичьего полета» и привел на верхнюю площадку, то есть на высоту 12-го этажа, в то время самую высокую обзорную площадку Москвы, если не считать колокольню Ивана Великого.

Выросший в этом районе и не ожидавший увидеть что-нибудь особенно новое, я был поражен открывшемся зрелищем. Москва лежала как на ладони, весь горизонт кругом был в дымке лесов и полей, разве только на юго-востоке виднелись на самом горизонте завод Гужона

(теперь «Серп и молот») и Дангауэровская слобода. Несмотря на то, что озелененными считались только бульвары и Садовое кольцо, зелень была видна всюду: в многочисленных церковных дворах и во двориках особняков и многих старинных домов. Хищники-домовладельцы еще не успели все повырубить и застроить доходными домами.

Тверской бульвар (конец XIX в.)

Внизу под ногами пролегал прямой, как стрела, Тверской бульвар с казавшимся маленьким памятником Пушкину. Трамвайного движения в тот год из-за нехватки электроэнергии не было. Извозчиков тоже не было – лошади либо околели с голоду, либо их пустили на конину, а если сколько-нибудь и осталось на весь

город, то в этот момент их не было видно. Прохожих тоже почти не было.

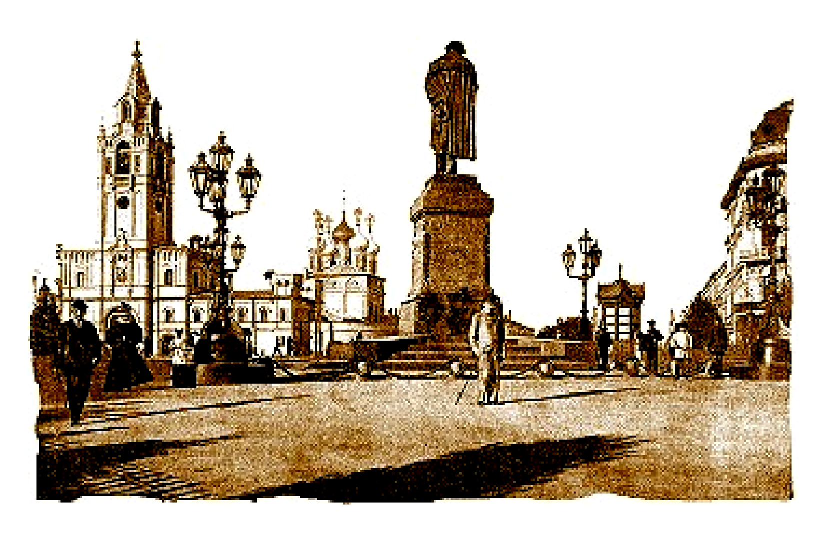
Улицы с высоты казались удивительно чистыми, вопреки действительности. Несмотря на то, что в годы войны и революции железные крыши не красились и многие стояли ржавыми, город выглядел красавцем таким, каким его никогда не увидишь с земли. Он лежал подо мной, вызывая чувство радости, красоты и душевного подъема. С тех пор прошло более полувека, но эта картинка стоит передо мной так ясно, как вчерашний день.

Но спустимся с высоты на землю, на тот же Тверской бульвар и посмотрим, как он выглядел за 7-8 лет до этого дня.

Тверской бульвар задавал тон всем остальным бульварам Москвы. По обеим его сторонам вытянулись в линию старинные и современные особняки, а у Никитских ворот высилось несколько 5-6-ти этажных домов с дорогими буржуазными квартирами. На месте памятника Тимирязеву стоял трехэтажный дом, сгоревший дотла в Октябрьские дни 1917 года.

На бульваре находился дом градоначальника, с одного конца бульвара проходила Тверская с ее большим движением и разношерстной публикой, с другого конца академическая Б. Никитская и Малая Бронная улицы, с проживающими в большом числе студентами. Памятник Пушкину стоял на самом бульваре, а на том месте, где он стоит сейчас, находилась колокольня Страстного монастыря.

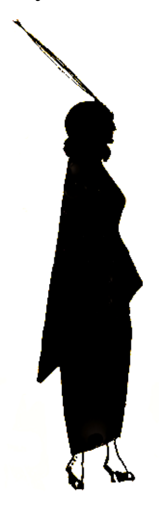

Страстной монастырь и памятник Пушкину
(1900е-1910е гг.)

Само положение Тверского бульвара определяло особый состав его посетителей, характер и ритм жизни,

протекавшей на его аллеях. С утра на бульваре появлялись дети с мамами, няньками или гувернантками – в зависимости от социального положения. Позже – дамы с собачками, часто в сопровождении офицеров или мужчин с тросточками в руке. После полудня – гимназисты и учащиеся других средних учебных заведений, студенты. Иногда можно было видеть старичков – отставных военных в шинелях с пелеринками времен Александра II. Часа в 3-4 все чаще попадались мужчины солидной внешности, идущие парами не спеша, вдоль бульвара, с видом обсуждающих серьезные вопросы.

Кормилицы, одетые как боярыни, шли по две или по три рядом, толкая впереди себя плетеные коляски с младенцами и не обращая внимания на их поведение, пока детально не будут обсуждены поступки их хозяев. Этим же вопросом были заняты и няньки, сидевшие на скамейках, около которых гоняли обручи и играли в песочек их подопечные. Только на бульварах няни могли повидаться и поговорить друг с другом – дома они были заняты с раннего утра допоздна и каждую неделю их отпускали «со двора».

Часам к 6-7 вечера состав публики на бульваре менялся. В деревянной ракушке-эстраде, стоявшей против Богословского переулка, рассаживался военный духовой оркестр под управлением бравого капельмейстера. Против эстрады устанавливались складные стулья, за пользование которыми взималась плата не то 3, не то 5 копеек, собираемая старичком сторожем с сумкой и билетиками, как у трамвайного кондуктора. Бульварные сторожа (их было несколько человек, следивших за чистотой и порядком) куда-то исчезали, зато появлялись городовые и дежурный околоточный надзиратель. Появлялось много молодых людей типа приказчиков с дешевыми металлическими тросточками и девушек типа модисток, портных и горничных. Последних легко было узнать по склонности грызть семечки. Начиналось завязывание знакомств. К этому же кругу тяготели гимназисты и реалисты из старших классов в лихо изломанных фуражках. Появлялись и солдаты, среди них иногда и сумские гусары в красных шароварах, голубых мундирах с белыми шнурами и в сапогах с кокардами на ботфортах. Эти пользовались особым вниманием. Студенты чувствовали себя как дома и были не прочь разыграть городового.

К вечеру картина такая. Темнеет. Зажигаются немногочисленные и неяркие фонари. Гремит полковая

музыка. Солидная публика исчезла, разве несколько человек остались на стульях и слушают музыку. В небольшой будке поблизости раздается смех – это на силомере пробуют свою силу приказчики и над слабосильными смеются стоящие рядом девицы. И так до позднего вечера, с наступлением которого остаются только прохожие с нетвердой походкой, девицы легкого поведения и молодые люди, занятые решением проблемы «шерше ля фемм».

На других бульварах было потише. Оркестр, как помню, был еще только на Чистых прудах. Зелень на бульварах была чахлая, цветов мало. Газоны были огорожены деревянными заборчиками из наклонных круглых палочек, воткнутых в землю и перевязанных друг с другом. Большие широкие бульвары с тенистыми аллеями были: Новинский (ул. Чайковского), Смоленский и Зубовский – все на Садовом кольце; да еще Нарышкинский, Александровский сад выглядели так же, как и теперь, но грязнее и хороших клумб не было.

Публичных парков в Москве почти не было, хотя имелись крупные хорошие парки при институтах, закрытых учебных заведениях и больницах. Роль публичных парков с открытым для всех входом

выполняли: Петровский парк с круговой аллеей для экипажей, находившийся на месте нынешнего стадиона «Динамо», с рестораном в центре круга; Сокольники с сохранившейся круговой аллеей и деревянным зданием ресторана в центре круга (недавно сломан), с лучевыми аллеями, заканчивавшимися дачными постройками; Воробьевы (Ленинские) горы. Фили, Кусково, Останкино и другие подобные места уже считались за пределами города. Наиболее демократичными были Воробьевы горы с единственным дешевым летним рестораном Крынкина*. На Воробьевых горах можно было лежать на траве, принести выпивку и закуску, не мешались сторожа и городовые.

Ресторан Крынкина на Воробьевых горах

---

* От этого ресторана сохранился кусок кирпичной подпорной стенки (*Прим. авт.*)

Петровский парк и Сокольники посещала смешанная публика. Аристократия и богачи тоже бывали, но в своих экипажах или, как их называли, выездах, часто пароконных. Хорошо одетые мужчины в котелках или шляпах «канотье», с дорогими тростями и дамы в огромных шляпах со страусиными перьями проедут два-три круга, окинут взором толпу и встречные экипажи,

церемонно раскланяются со знакомыми и уедут, не выходя из коляски. Та же картина была и в Сокольниках, но попроще.

В Петровский парк вела близость берегов, ресторанов «Яр» и «Стрельна», возникший в 1912-1913 гг. аэродром и более удобное сообщение: прямая как стрела дорога с Триумфальными воротами от самой Страстной площади. Через широкую Тверскую-Ямскую и широченное шоссе можно было промчаться на лихаче и даже на тройке.

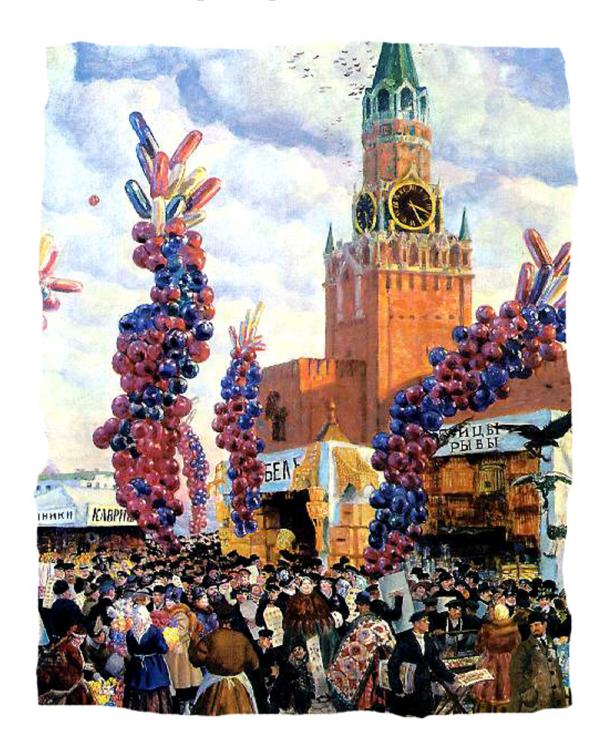
Ресторан «Яр» (нач. 1910-х гг.)

Было еще Девичье Поле, лежавшее треугольником от Плющихи вдоль Большой Царицынской улицы (ныне Б. Пироговской). На этом месте устраивались гулянья с каруселями, качелями и прочими яркими ярмарочными удовольствиями.

Такие развлечения периодически устраивались и в других районах, на площадях. Они посещались, в основном,

рабочим народом, мастеровыми и приказчиками. Домашнюю женскую прислугу хозяева пускали на эти гулянья не охотно, во избежание «опасных» знакомств.

Был один ежегодный вид общенародного гулянья, посещавшийся всеми сословиями, но в меньшей степени рабочими – это Вербный базар, устраиваемый на Красной площади перед праздником Пасхи.

Вербный базар на Красной площади.
С картины Б. Кустодиева (1917)

Вся площадь от Исторического музея до Василия Блаженного застраивалась в несколько рядов наскоро сколоченными из некрашеных досок примитивными рыночными ларьками. Предметом торга были тут же выпекаемые вафли с кремом и без оного, дешевые пряники и другие сладости, вроде леденцовых петушков на палочках, горячие пирожки. Но самым главным предметом торговли были: разноцветные с блестками бабочки на проволоке, прикалываемые к одежде или прикручиваемые к пуговицам пальто (чем больше на тебе бабочек, тем больше шика); «тещины языки» – свистульки с бумажной надувной спиралью, с перышком на конце, распрямляющиеся и свистящие при надувании; пищалки с надувным из тонкой резины пузырем «уйди-уйди»; стеклянные чертики в стеклянных колбах или пробирках, залитых

окрашенным спиртом или водой, поднимающиеся или тонущие при нагревании колбы ладонями или при нажиме на резину, закрывающую боковое отверстие в пробирке; всевозможные китайские бумажные веера, цветы, жужжалки и т.п., уже описанные выше, разные трещотки, дудки и так далее.

Все это бросалось в глаза яркими красками, гудело, трещало, свистело, пищало, жужжало, дополнялось криками продавцов вроде: «Вот стала теща помирать,

язык велела отказать – покупайте всего за 5 копеек!» и уснащалось запахом выпекаемых вафель.

Тут же продавались ветки и букеты распускающейся вербы с ее серенькими мохнатыми почками, первым признаком наступившей весны. Хулиганства и приставания к прохожим не было, разве что старшеклассники-гимназисты старались достать «тещиным языком» до щеки встречной гимназистки или коснуться ее бумажным мячиком на резинке.

Помимо театров, двух цирков, нескольких кабаре, в Москве были народные дома (помню только один, там, где сейчас Дом кино). Как грибы после дождя появлялись кинотеатры. Только на Тверской, от нынешнего телеграфа до площади Маяковского

включительно, к началу войны 1914 года было пять «кинематографов». Самые большие московские кинотеатры дошли под старыми названиями до нашего времени: «Художественный» (Арбатская площадь), «Колизей» (Чистые пруды), «Форум» (на Садово-Сухаревской), «Уран» на Сретенке.

«Художественный электро-театр» на Арбатской площади (нач. 1910-х гг.)

Но все это было лишь коммерческими предприятиями, помогавшими горожанам разогнать скуку. Подлинным искусством все они не занимались, а киноискусства в современном понятии в то время не было. Только Большой, Малый и Художественный театры могли служить и служили целям искусства. Да еще в цирке были Дуровы и клоуны Бим-Бом, отличавшиеся своим

особым стилем и остроумием, а первые и своей школой дрессировки разных животных. Остальные артисты цирков не отличались особым исполнением своих номеров, среди них было много гастролеров-иностранцев, задававших тон. По этой причине даже наши артисты часто выступали под иностранными именами.

После 1910 г. в Москве появились еще два вида новых зрелищ. Одно для буржуазии – скетинг-ринки, т.е. катки для роликовых коньков. В продаже появились роликовые коньки заграничного производства и вскоре скетинг-ринки превратились в место примитивного спорта, развлекательного зрелища и место знакомств с

женщинами того типа, которые всегда появляются там, где скапливается развлекающаяся публика.

Второй вид – аэродром на Ходынском поле против Петровского парка. Первые самолеты, их тогда называли только аэропланами, имели смешной вид с современной

точки зрения. Особенно бипланы «Фарман», имевшие сиденье летчика такое, что с земли были видны его ноги с согнутыми коленями. Аэропланы совершали взлеты, делали два-три круга над аэродромом на высоте нескольких десятков метров и затем садились. Народ, собиравшийся посмотреть полеты, располагался стоя на краю поля, которое охранялось верховыми казаками, осаживающими время от времени крупами своих лошадей напирающую публику.

Аэродром на Ходынском поле (1910)

Но и тут не обошлось без коммерции: были быстро сооружены примитивные деревянные трибуны со

скамейками в несколько рядов и за плату можно было сидя наблюдать полеты.

Два городских сада – «Эрмитаж» и «Аквариум» – функционировали только летом. Гастролировавшие там эстрада и оперетта не были целью посещения для большинства публики. Основной целью было времяпровождение в ресторанах на открытом воздухе, гуляние по коротким дорожкам вокруг клумб и, опять-таки, завязывание знакомств с дамами, внешне вполне приличными, но живущими за счет этих знакомств. Степенная и культурная публика эти места не посещала.

Сад «Эрмитаж» (1900е-1910е гг.)

Зимой открывались катки на городских прудах: Патриарших, Чистых, в Зоопарке и в других местах, в том числе и на Петровке во дворе дома № 26

(впоследствии каток «Динамо»). Вход всюду был платный, играл духовой оркестр. Катки посещались преимущественно учащейся молодежью, молодыми офицерами, кадетами, гимназистками. Случаи посещения катков рабочей молодежью мне не известны.

Мне рассказывали, но лично видеть не пришлось, что на Москве-реке зимой, около Бабьегородской плотины, что была чуть выше Каменного моста, собирался простой народ в попытках возобновить старинное русское зимнее развлечение - кулачные бои, «стенка на стенку». Но, насколько мне известно, полиция это запрещала и дело ограничивалось только стычками двух маленьких групп. Там же, в церковный праздник Крещения 19 (6) января, совершался Крестный ход с большим стечением участников и зрителей, среди которых находились энтузиасты, окунавшиеся в прорубь – по-современному «моржи».

Никаких дансингов и танцплощадок не было. Танцевали только на вечерах и балах. В 1912 году в моду вошел танец танго, но исполнялся он преимущественно на эстрадах или особенно

квалифицированными любителями. Последнее па заканчивалось отчаянным перегибом дамы и наклонившимся над ней партнером, поддерживающим даму за талию. Появился даже модный желто-золотистый цвет шелковистых тканей, называемый «танго».

Съ этимъ Танго положительно всѣ солидные мужчины упали въ цѣнѣ!...

11

Сословные различия, черты быта и манеры жителей

Современному человеку трудно себе представить, насколько были сильны в сознании дореволюционных москвичей сословные различия. Они выражались в одежде, обращении друг к другу, в занимаемых местах, в зрелищных предприятиях и во многом другом, что трудно себе представить сейчас.

Так, например, в недавней передаче по телевизору постановки чеховского рассказа «В номерах» вдова полковника расспрашивает коридорного служителя гостиницы о своем соседе, причем она ходит по комнате, а он сидит на стуле. Для современного человека в этом нет ничего особенного, но с точки зрения человека, помнящего дореволюционный быт, это непростительный ляпсус.

Никогда, никакого рода прислуга и служебный персонал, вплоть до трамвайных и железнодорожных кондукторов, не могли разговаривать сидя с хозяином, клиентом, заказчиком, пассажиром. Только врач мог сидя заканчивать выписку рецепта при вставшем со стула пациенте, но обязательно затем вставал его проводить.

В простых купеческих семьях, у лавочников и ремесленников прислуга, подчас не уступавшая в своем развитии хозяевам, могла садиться в комнатах и даже

обедать за общим столом со всей семьей. Во всех других домах она обедала на кухне и в комнатах, никогда в присутствии хозяев не садилась. Исключения могли быть только для старых нянь, давно живущих в доме, и для гувернанток, имевших образование.

Ни один подчиненный на службе не разговаривал с начальником сидя, если тот стоял, или если он не получал приглашения сесть. Это воспитывалось с детства. В любой школе ученик мог разговаривать с учителем только стоя.

Выше говорилось об одежде москвичей. Именно одежда определяла обращение к человеку со стороны случайных прохожих, извозчиков, приказчиков, продавцов. При равных по виду персонажах обращение друг к другу могло быть: сударь, господин офицер, мадам, месье, «Пардон» (если хотели обратиться с вопросом или извиниться), «Послушайте» и, наконец, «Эй!» – все в зависимости от сословия. Желая осадить или поставить на место зарвавшегося собеседника, обращались напыщенно: «Милостивый государь!»

При неравных сословиях, высший обращался к низшему: «Эй! Дружок», «служивый» (если к военному), «послушай, извозчик!» или «послушай, человек!» (к официанту) и т.п. Низший к высшему, хорошо одетому: «Барин, ваше благородие» (к офицеру или чиновнику в форме), а если чин вроде генеральского: «Ваш сиясь!» (сиятельство), «Ваше превосходительство!», «барыня, сударыня» (к смахивающему на купца), «батюшка» (священнослужителю), «барчук» (к гимназисту).

Очень был распространен заискивающий тон среди мелких служащих перед людьми, стоящими на более высокой ступени сословной лестницы, выражавшийся в окончании чуть ли не каждого слова на «с»: извольте-с, как прикажете-с и т.п., часто производимых в полусогнутой позе.

Конечно, в описываемое время, особенно после 1905 года, эти черты уже были лишь пережитком прошлого

века и крепостного права. У многих простых людей, особенно у заводских рабочих, не было этого добровольного самоунижения. Они не сгибались в угодливую позу. Но рабочие старшего возраста, разговаривая с хозяином фабрики или начальником-инженером, снимали шапки, особенно если обращались с какой-либо просьбой. Держать руки в карманах при разговоре со старшими по возрасту или положению считалось у всех сословий неприличным. Здоровались за руку, как правило, только с равными.

Каждое сословие жило своей жизнью, замыкалось само в себе. Контакты между людьми разных сословий возникали лишь на деловой почве или через детей, общавшихся в учебных заведениях друг с другом, независимо от сословий. Соответственно были и разные интересы, и разное времяпровождение в различных сословных кругах.

Интеллигенты вне работы любили помузицировать, послушать какое-либо чтение, посещать театры, обсудить новости. Молодежь любила с жаром поспорить, лишь бы была тема.

Коммерсанты любили даже вне своих занятий поговорить о делах на бирже, о политике, перекинуться в картишки, пообедать вне дома – в недорогом ресторане. Те, которые побогаче – иногда провести вечер у Яра или в каком-нибудь кабаре.

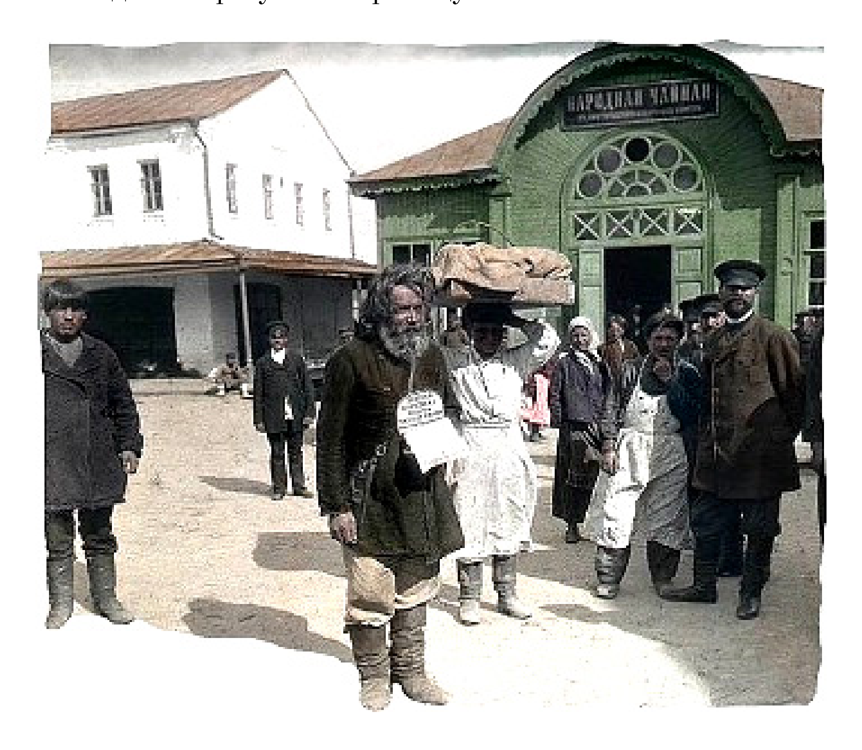
Торговое сословие – лавочники, старомодные купцы – любили посидеть за чайком в трактире

почище, не с извозчиками, старались не пропустить церковную службу.

Мастеровые и рабочие, прислуга и мелкие приказчики почти не имели свободного времени, и у них не было проблемы свободного времяпровождения. В воскресенье они старались вырваться на гулянье –

пройтись по бульвару и послушать там духовой оркестр или самим, усевшись где-нибудь на дворовой скамейке, побренчать на балалайке (если жильцы не против), поглядеть на бродячих артистов. Если была привычка выпить, да еще к тому денежки, то эта проблема решалась просто в трактире или у кого-нибудь на дому. Мастера, квалифицированные рабочие любили посещать пивные и почитать там газеты, укрепленные на длинных палках, позволяющих держать их в руке, оглядывая сразу всю страницу.

Чиновники и служащие, не имевшие средств для траты на пивные, трактиры и другие развлечения, ходили в гости друг к другу, часто без жен. Никакого особенного угощения при этом не выставлялось, кроме самовара, вазочки с вареньем да остатков воскресного пирога. Разговаривали не спеша, обсуждали уже давно обсужденные вопросы и события и, попив чайку, любили молча посидеть, думая про себя свою думу, до тех пор, пока не приходило время гостю идти домой. Иногда играли в шашки или какую-нибудь примитивную карточную игру.

В семьях разных сословий, там, где хозяева не вели замкнутого образа жизни и не были очень стеснены в средствах, постоянно бывали гости, иногда одни и те же каждый день, как-то незаметно всегда попадавшие к обеду и заканчивавшие свой визит после ужина. В таких семьях жена занималась только домашним хозяйством и присутствие привычного гостя или гостьи сглаживало однообразие домашней жизни, главным развлечением в которой было хождение по магазинам, даже если ничего не собирались покупать. Вообще быт жен во всех семьях был более однообразным, чем у мужчин.

Как правило, во всех семьях внимательно считали деньги, записывали расходы. Рабочим в этом не было нужды, так как денег всегда было мало, и они расходовались мгновенно без всякого счета, особенно если продукты питания брали в лавке в кредит.

Зато во всех буржуазных и многих мещанских семьях детей приучали к бережливости или, точнее,

к скупости. Почти каждый ребенок имел копилку для монет. Копилки запирались на замок крохотным ключом или они бывали глиняными в виде кошки, поросенка, гнома и т.п. фигурки, пустой внутри. Когда такая копилка становилась тяжелой, ее в случае нужды разбивали, так как стоила она дешево. Среди детей часто можно было слышать: «Вот накоплю рубль и куплю себе солдатиков!» (или что-нибудь другое). Источником накопления служила не возвращенная полностью сдача после полученной покупки (с разрешения родителей) или просто новенькая, блестящая монетка, выдаваемая за хорошее поведение и т.п.

Естественно, что при таком воспитании жадность, скупость и стяжательство являлись прямым его результатом, полезным для жизни в капиталистическом обществе, где главной целью жизни была нажива.

Спорта в современном его понятии не существовало, кроме, пожалуй, конькобежного. Футбол, теннис, велосипед, гребля, борьба были известны, но занимались ими по-любительски, широких соревнований

не было и они были чрезвычайно далеки от массовости. Стадионов в Москве не было ни одного, если не считать такого специфического вида спорта, как бега и скачки, для которых существовал хороший ипподром. Борьба пользовалась наибольшей популярностью как зрелище, демонстрировалась в цирках, а на практике она проводилась всеми учащимися-мальчиками на переменах между уроками и вне пределов видимости дежурного учителя.

ОСНОВНЫЯ ПРАВИЛА ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ.

Гимнастика преподавалась во всех классах всех мужских учебных заведений – один или два урока в неделю. В некоторых учебных заведениях она была хорошо поставлена и обеспечена необходимыми гимнастическими снарядами. В женских гимназиях преподавались танцы.

Спортивной игрой во многих буржуазных семьях был крокет, и на каждой даче была крокетная площадка.

Подлинно народными играми у мальчишек была игра «в чижика», а у взрослых – городки. В «чижика» играли во дворах, но это было опасно, так как «чижик», подбрасываемый деревянной лопаткой, иногда попадал в окна и разбивал стекла, вынуждая игроков разбегаться врассыпную и не показываться во дворе несколько дней. В городки во дворах играли редко и только там,

где позволяли размеры двора и отсутствовали подальше окна в поле игры.

В шахматы играли мало, больше в шашки.

На лыжах ходили единичные любители. Существовал лыжный клуб на месте нынешнего «Стадиона пионеров» на Ленинградском шоссе, но вступительный взнос был высоким, недоступным даже людям с достатком. Едва ли там было больше 100-150 членов, так как лыжи хранились на одном небольшом стеллаже.

Убожество вкусов и развития широких масс москвичей особенно проявлялось при посещении зоопарка, занимавшего только старую территорию, что на Красной Пресне. Животных дразнили, старались бросить в клетку что-нибудь несъедобное или дразнящее. Были случаи вкладывания гвоздей и булавок в хлеб, протягиваемый слону – съест или не съест?

Кстати, о показе животных. И тут была коммерция. В 1913 г. (или в 1914 г.), когда перед зданием нынешнего музея Революции (в прошлом Английского клуба) вместо забора стояли одноэтажные магазины, один из них был арендован дельцом, поставившим внутри перегородку, за которой помещался большой страус, а к потолку было подвешено огромное страусовое яйцо. За поглядение этих чудес взималась плата по 5 копеек с посетителя. Место бойкое – Тверская улица, все время заходили посетители.

Оживление в московский быт вносили праздники, а их было много: церковные и царские дни. Наиболее торжественные из них, Рождество и Пасха, праздновались несколько дней. Москва в эти дни гудела колокольным звоном, а москвичи объедались всякой снедью сверх всякой меры.

Масленица. С картины Б. Кустодиева (1916)

Особо объедались на масленицу. В каждой семье пекли блины (почему «пекли», если их просто жарили на маленьких чугунных сковородках?). Сложенные в стопку, блины накрывались салфеткой или полотенцем и в горячем виде подавались к столу.

Приправа к блинам определялась достатком семьи. Как минимум простое или топленое масло и селедка, как максимум черная и красная икра, балык, семга, сметана, прочая дорогая закуска и крепкие напитки. По окончании масленой недели (в эти дни не учились)

учащиеся обменивались опытом – кто, сколько съел блинов.

На масленицу можно было видеть в городе простые деревенские сани, запряженные парой или тройкой, накрытые коврами поверх большой охапки сена. В санях, кроме возницы, несколько мальчиков и девочек под надзором няни или прислуги – барчуки гуляют под развеселый звон малых церковных колоколов, который, шутя, имитировали нараспев: «Тебе блин! Мне блин! Блин, блин!»

Людей, читающих на ходу, в трамвае или на извозчике – словом, на улице – не было, хотя широко издавалась и продавалась у газетчиков «Универсальная библиотека» в виде малоформатных, в желтых обложках книжечек, напечатанных убористым шрифтом. Содержание – преимущественно классики русской и иностранной литературы и модные романы, цена копеечная.

Для характеристики вкусов некоторой части москвичей следует упомянуть об одном магазине, находившемся в Столешниковом переулке и торговавшем «шуточным товаром»: чернильными кляксами из кусочка метала, покрытого черной эмалью, подкладываемыми в классный журнал учителю или кому-нибудь на раскрытую тетрадь; целлулоидовым тараканом, незаметно опускаемым в чей-нибудь стакан чая; пиротехническими шутихами; пепельницами в виде

маленького унитаза с бачком; открытками фривольного содержания и тому подобными сувенирами весьма

сомнительного остроумия, часто циничными и неприличными. Поставлялся такой товар преимущественно из Германии.

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

12

Вместо заключения

Все написанное не претендует на какую-нибудь форму литературного жанра. Просто, когда находишься у финишной черты жизни, тянет оглянуться на прожитое, особенно на годы детства и юности, а если есть возможность, то и написать об этом.

Но не хотелось бы, чтобы все написанное было воспринято как умиление перед прошлым, так как умиляться было нечем.

Нельзя забывать о том, что все казавшееся внешнее благополучие и все бытовые радости московской жизни начала XX века были обязаны своим существованием беспросветному труду простого народа: портных и сапожников, белошвеек и модисток, официантов и прислуги, мальчишек на побегушках, извозчиков, приказчиков, дворников, швейцаров и прочих, выгнанных нуждою из своих родных деревень и живущих в темных подвалах, спящих вповалку в темных углах и коридорах или под лестницами, занятых неблагодарным трудом с утра до позднего вечера и часто не знающих ночного покоя, унижаемых ежеминутно и ежечасно всеми, кому это было угодно, бесправных по существу и видящих кругом повсеместное стяжательство, как главную цель жизни, и лишенных возможности стяжать самим.

В итоге такой жизни оставалось одно: если не умрешь на работе, то, когда уже не станет сил работать, будешь вынужден вернуться в родную деревню, если уцелел твой дом и кто-нибудь из родных, и доживать там до последнего часа под недобрыми взорами родных, как лишний рот и в без того голодной семье.

Недаром многие не выдерживали такой жизни и ударялись в воровство, которое в Москве носило массовый характер. Воровали все: галоши из передней незапертой квартиры; белье с чердака, влезая туда через имевшиеся на всех крышах слуховые окна; одежду в

банях, оставляя свою худшую; карманные часы в трамваях; ловко очищали карманы в любом пальто; хватали покупки, уложенные в складной верх извозчичьей пролетки, подскочив сзади и став ногами

на ось пролетки; срывали меховые шапки с пассажиров, едущих в санках извозчика и не могущих быстро выскочить из саней из-за укрытых полостью ног, и быстро скрывались в проходном дворе; очищали богатые квартиры в отсутствие хозяев, часто не без помощи заранее подосланной прислуги; грабили с взломом магазины.

Другие ударялись в нищенство. Нищих в Москве было несметное количество. Одни сидели на церковных папертях и на кладбищах, другие ходили по дворам и стучали в двери черного хода*, робко прося милостыню. Стояли на всех улицах в скорбной позе у стен домов, с протянутой рукой и склоненной головой сидели на тротуаре, положив перед собой шапку, и тихо тянули: «Подайте Христа ради!». Часто шли группами, одетые в деревенские одежды и обутые в лапти, женщины с младенцами на руках и ребятишки чуть постарше,

* В любой дореволюционной квартире было два входа: парадный и черный (*Прим. авт.*).

ухватившиеся за мамкин подол, просящие скорбным голосом: «Подайте погорельцам! Три дня не евши!»

При этом бандитизм и убийства не были частыми явлениями, кроме как «на дне» московского общества: на Хитровом рынке, в трущобах Трубной улицы и Цветного бульвара. Но это происходило в своей замкнутой, уголовной среде и часто оставалось нераскрытым.

Обитатели Хитрова рынка (1900е-1910е гг.)

Очень трудно приходилось горничным, ученицам портных и другим девушкам из низших сословий, обладавшим смазливой внешностью. Их ждало много искушений в домах, где они жили, работали и на гуляньях. Соблазнители-профессионалы затягивали их в свои преступные сети, прельщая легкой жизнью, и

нередко их жертвы кончали свой трудовой путь на панели или в «заведении», получая в полиции вместо паспорта «желтый билет», равноценный каторжному клейму до конца жизни.

Очень немногим из них удавалось сделаться содержанками богатых людей, так как для содержанки требовалось уменье «жить шикарно и со вкусом» и уметь подражать дамам из общества. Многие содержатели привлекали для этого француженок, иногда гувернанток в прошлом.

Заводские и фабричные рабочие в моральном отношении находились в лучших условиях. Рабочие коллективы были более сплоченными в силу самой организации их труда по сравнению с работающими в сфере обслуживания и в мелких мастерских.

Проникновение революционных идей в среду рабочих описываемого периода, обострение классовой борьбы, возникающие частые забастовки, подпольная работа революционных партий – все это создавало надежды на лучшее будущее и удерживало людей от падения на дно жизни большого города, спасало промышленных рабочих от таких пороков, как воровство и нищенство – даже при тяжелейшей

эксплуатации труда, существовавшей до революции на фабриках и заводах.

Пусть те, кому придется прочесть эти воспоминания, сопоставят «век нынешний и век минувший» и задумаются над тем, как сильно изменилась психология москвичей за половину века, как высоко поднялось достоинство современного советского человека, как исчезло унизительное раболепство одних перед другими, стоявшими на более высокой ступени сословной лестницы.

Сейчас мы видим, как колхозники и рабочие – не только из Подмосковья – входят с гордо поднятой головой в любой магазин, ресторан и театр, как они покупают все то, что покупает любой гражданин, независимо от его профессии и уровня образования. Нет больше забытых и униженных, нет больше самовластного хозяина, бесправного рабочего и слуги. Есть только полноправные граждане Великого Советского Союза.

Никогда не надо забывать об этом, особенно вспоминая о прошлом.

1976

Примечания

Книга А. Я. Гуревича «Москва в начале XX века» публикуется по рукописи, предоставленной родственниками автора. Данные воспоминания были написаны автором на склоне лет, во время тяжелой болезни, и предназначались для публикации в одном из советских исторических журналов, которая в те годы не состоялась. В качестве иллюстраций использованы фотографии В. Каррика, И. Монштейна, А. Лорана, К. Булла, Ф. Кратки, фотографии из московских альбомов Н. Найденова, работы фототипии «Шерер, Набгольц и Ко.» и анонимных российских фотографов конца XIX-нач. XX вв., кабинетные и визитные портретные фотографии, художественные и видовые открытки и печатные издания эпохи из собрания А. Шермана и др. материалы.

С. 8

Она не строилась по плану, хотя уже в XVII веке издавались указы, частично регулирующие застройку города – Так, уже в начале XVII в. регламентируется ширина и частотность улиц и переулков, в 1630-х гг. планируется строительство в черте «деревянного города» и земляные укрепления (земляной вал), поощряется строительство каменных палат, регулируется этажность домов, порядок возведения чердаков и т.п.

…Московской окружной железной дороги – железнодорожное кольцо вокруг Москвы с общей длиной путей свыше 50 км, построенное в 1903-1908 гг. и соединявшее станции на

пересечениях с радиальными линиями; в 1917 г. – официальная граница Москвы.

…Камер-Коллежский вал – земляное укрепление в виде вала со рвом и заставами, устроенное в 1742 г. Камер-коллегией и служившее таможенной границей Москвы, затем фактической и с 1806 по 1917 гг. полицейской границей города; вал был срыт во второй половине XIX в.

С. 9

Большинство московских домов в начале века были двух- и трехэтажными, хотя много домов даже в центре и на больших улицах было одноэтажных, в том числе деревянных – В 1912 г., к примеру, одноэтажные дома составляли 51% всех жилых зданий Москвы, двухэтажные – 40%; деревянные дома составляли 52% городских зданий, смешанные – еще 16%.

…высотой до 8-ми этажей – Первые шести- и семиэтажные дома появились в Москве в 1902 г., восьмиэтажные начали строиться с 1911 г.

С. 12

…Растрелли – Бартоломео (Варфоломей) Франческо Растрелли (1700-1771), крупнейший зодчий русского барокко, создатель ансамблей Зимнего дворца и Смольного монастыря в Петербурге, Большого дворца в Петергофе, проектов Мариинского дворца и Андреевской церкви в Киеве и т.д.

…площадь Свердлова (бывшая Театральная) … архитектором Бове – При восстановлении Москвы после пожара 1812 г.

Осип Бове (Джузеппе Бова, 1784-1834) был архитектором центральной части города и сыграл важнейшую роль в реконструкции Москвы; под началом Бове был создан Александровский сад, Манеж и ансамбль Театральной площади со зданием Большого (Петровского) театра.

… гостиницы «Метрополь» и зданием универмага Мюр и Мерилиза – Здание гостиницы «Метрополь» в стиле модерн (1899-1905) было построено по проекту В. Валькота и Л. Кекушева и наряду с неоготическим, с элементами модерна, зданием универмага «Мюр и Мерилиз» (1906-1908) Р. Клейна контрастировало с классицистическим ансамблем Театральной площади.

С. 13

… Симонов – Симонов монастырь, основанный в XIV в. и связанный со многими важными событиями церковной и светской истории, после 1920 г. был превращен в музей, а в 1930 г. взорван и почти полностью уничтожен; к настоящему времени сохранилась лишь небольшая часть построек. На территории бывшего монастырского некрополя по проекту бр. Весниных в 1930-х гг. было возведено конструктивистское здание Дома культуры ЗИЛа.

С. 14

… архитектору К. А. Тону – К. А. Тон (1794-1881) – видный архитектор XIX в., ректор Императорской Академии художеств, автор многочисленных проектов «образцовых» церквей и других работ в т. наз. «русско-византийском» стиле. Руководил постройкой Большого Кремлевского дворца, реконструкцией колокольни Ивана Великого в Кремле и т.д.

С. 15

Постройка продолжалась 40 лет: с 1839 по 1874 год – так у автора. Строительство Храма Христа Спасителя продолжалось почти 44 года; храм был освящен в 1883 г.

… Сухарева башня… вдоль Колхозной площади – Сухарева (Сухаревская) башня, выдающийся образчик петровской архитектуры, была возведена в 1692-1701 гг. под наблюдением М. Чоглокова и стала средоточием многих московских мистических легенд. В 1934 г., вопреки протестам виднейших деятелей искусств (включая И. Грабаря, К. Юона, А. Щусева и И. Фомина), Сухарева башня была снесена, а Сухаревская площадь переименована в Колхозную.

С. 16

В стиле «нарышкинского» барокко – Имеется в виду московский архитектурный стиль конца XVII – нач. XVIII вв., сочетавший элементы архитектуры старой Москвы и нового петербургского «петровского барокко».

…огромный рынок – «Сухаревка», существовавший еще ряд лет после Октябрьской Революции – Сухаревский рынок или «Сухаревка» возник в конце XVIII в. и был официально ликвидирован в 1920 г., но прекратил свое существование только с полной перестройкой территории к 1925 г. Рынок считался одной из вотчин московской преступности. «Старая Сухаревка занимала огромное пространство в пять тысяч квадратных метров. А кругом, кроме Шереметевской больницы, во всех домах были трактиры, пивные, магазины, всякие оптовые торговли и лавки – сапожные и с готовым платьем, куда покупателя затаскивали чуть ли не силой. В

ближайших переулках – склады мебели, которую по воскресеньям выносили на площадь. Главной же, народной Сухаревкой была толкучка и развал. <…> И карманники шайками ходят, и кукольники с подкидчиками шайками ходят, и сменщики шайками, и барышники шайками» – пишет В. Гиляровский, автор колоритного очерка о быте Сухаревки.

…Красные ворота … князя Ухтомского – эта барочная триумфальная арка была возведена в 1753-1757 гг. зодчим Д. В. Ухтомским (1719-1774). Красные ворота и соседняя церковь Трех Святителей, где был крещен М. Ю. Лермонтов, были безжалостно снесены в 1928 г. при расширении Садового кольца.

С. 17

…Китайгородской стене – Укрепленная Китайгородская стена была построена итальянским архитектором Петроком (Петром) Малым в 1533-1538 гг. За исключением небольшого участка, большая часть стены была снесена в 1930-х гг.

С. 20

Мостовые были булыжными. Только в 1910-1912 г.г. начали появляться усовершенствованные покрытия – В 1894 г. усовершенствованные мостовые составляли порядка 1% дорожных покрытий Москвы. Улучшение мостовых началось в 1909 г. с асфальтирования части Сухаревской площади, мощения Волхонки, Ленивки, части Театральной площади и др. районов. К 1917 г., однако, около 13% улиц и площадей оставались незамощеными.

… *клинкером* – Клинкер (от нем. Klinker) – высокопрочный кирпич, получаемый из специальных глин путем обжига до полного запекания.

С. 23

Освещение некоторых улиц было электрическое, посредством дуговых фонарей, а некоторые освещались углем – В 1894 г. в Москве насчитывалось 19,245 фонарей, в 1913-1915 г. общее число городских фонарей превысило 20,000, однако среди них все еще преобладали газовые (в центре города) и керосиновые. В 1913 г. в Москве насчитывалось более 9,000 тыс. керосиновых, 7,800 тыс. газовых и приблизительно 4,000 электрических фонарей. Тем не менее, в нач. XX в. только десятая часть улиц имела нормальную освещенность.

С. 25

Горелки были в них керосиновые или газовые – В описываемое время керосиновыми фонарями освещалась территория между Садовым кольцом и границей города, Замоскворечье и городские бульвары, скверы и парки.

С. 30

… *«царские дни»* – ежегодные праздники в честь особ императорского дома. К «высокоторжественным» царским дням относились дни восшествия на престол, коронации, а также тезоименитства и рождения императора, царствующей и вдовствующей императриц, цесаревича и цесаревны.

С. 31

Транспорт на улицах Москвы практически был полностью гужевым – В 1895 г. в Москве было зарегистрировано 19,000 легковых извозчиков, однако число их неуклонно сокращалось в связи с развитием городского транспорта (до 16,200 в 1914 г.). Количество ломовых извозчиков, перевозивших в начале века от 300 млн пудов грузов в год, выросло с 18,100 в 1895 г. до 23,100 в 1900 г. и снизилось к годам Первой мировой войны до 14,300.

С. 34

Стоянки извозчиков обычно бывали на перекрестках в переулках при выезде на большую улицу – Ср. в описании Гиляровского: «Вдоль всего тротуара – от Мясницкой до Лубянки, против «Гусенковского» извозчичьего трактира, стояли сплошь – мордами на площадь, а экипажами к тротуарам – запряжки легковых извозчиков. На морды лошадей были надеты торбы или висели на оглобле веревочные мешки, из которых торчало сено. Лошади кормились, пока их хозяева пили чай. Тысячи воробьев и голубей, шныряя безбоязненно под ногами, подбирали овес. Из трактира выбегали извозчики – в расстегнутых синих халатах, с ведром в руке – к фонтану, платили копейку сторожу, черпали грязными ведрами воду и поили лошадей. Набрасывались на прохожих с предложением услуг, каждый хваля свою лошадь, величая каждого, судя по одежде, - кого «ваше степенство», кого «ваше здоровье», кого «ваше благородие», а кого «вась-сиясь!». Шум, гам, ругань сливались в общий гул, покрываясь раскатами грома от проезжающих по булыжной мостовой площади экипажей, телег, ломовых полков и водовозных

бочек» («Москва и москвичи», очерк «Из Лефортова в Хамовники»).

С. 37

… фирмой Ступина, имевшей также склад для временного хранения мебели – Фирма А. Ф. Ступина славилась надежностью и оставила свой след не только в деловой истории Москвы, но и в истории культуры. На складах Ступина, к примеру, хранились вещи и мебель Л. Толстого после продажи городу его московского дома в 1911 г., имущество и завещанные детям художника картины В. Верещагина, здесь в середине 1910-х гг. держали вещи сестры Цветаевы и т.д. После революции склады Ступина стали центром масштабной реквизиции; о судьбе их рассказывается в «Спекторском» Б. Пастернака:

…Союзу
Писателей доверили разбор
Обобществленной мебели и грузов
В сараях бывших транспортных контор.

Предвидя от кофейников до сабель
Все разности домашнего старья,
Определяла именная табель,
Какую вещь в какой комиссариат.

Их из необходимости пустили
К завалам Ступина и прочих фирм».

Была еще фирма, специализировавшаяся на продаже и доставке древесного и каменного угля, «Яков Рацер» – В годы НЭПа

фирма Я. Рацера поражала современников рекламой в стихах. «Особенно славился в то время в Москве «король древесного угля» Яков Рацер. Предприятие его помещалось в Марьиной Роще» – вспоминает в «Книге скитаний» К. Паустовский. «Каждое утро, чуть начинало светать, Яков Рацер выходил на балкон своего дома и пропускал мимо себя весь длинный обоз угольщиков на колченогих конях. Рацер стоял, как полководец, принимающий парад своих «войск». После парада угольщики расползались по всем закоулкам Москвы, оглашая дворы унылыми криками: «Вот уголек, кому надо!» Все в угольной пыли, они походили на негритосов. Они удивляли москвичей эмалевой белизной глазных яблок под сизыми веками. Время от времени Яков Рацер печатал в «Известиях» объявление: «Бывали случаи, что уголь у Якова Рацера оказывался неполновесным, но не было случаев, чтобы уголь у Якова Рацера оказывался сырым». На кульках с самоварным углем Яков Рацер печатал несколько иные и довольно изысканные рекламные стихи:

Так говорит Заратустра:
«Кто рекламирует шустро,
Но не пленяет товаром,
Тот рекламирует даром».
Уголь ли нужен, дрова ли,
Рацера фирма едва ли
Будет Москвою забыта, —
Слава недаром добыта!»

С. 38

Полок – телега с плоским дощатым настилом для перевозки грузов.

Стоянки ломовых извозчиков … тянули жребий – Нравы ломовых извозчиков также описаны В. Гиляровским: «Против Проломных ворот десятки ломовиков то сидели идолами на своих полках, то вдруг, будто по команде, бросались и окружали какого-нибудь нанимателя, явившегося за подводой. Кричали, ругались. Наконец по общему соглашению устанавливалась цена, хотя нанимали одного извозчика и в один конец. Но для нанимателя дело еще не было кончено, и он не мог взять возчика, который брал подходящую цену. Все ломовые собирались в круг, и в чью-нибудь шапку каждый бросал медную копейку, как-нибудь меченную. Наниматель вынимал на чье-то «счастье» монету и с обладателем ее уезжал» (там же).

С. 39

Многие богатые люди имели «собственные выезды» - В 1904 г. в Москве имелось 9,500 частных карет и экипажей и 4,100 саней. К 1911 г. число их сократилось до 3,000 карет и экипажей и 2,500 саней.

С. 42

Общественным транспортом, кроме извозчиков и лихачей, был только трамвай – В 1898 г. в Москве была начата постройка опытных загородных трамвайных линий и переоборудование Долгоруковской линии конки (от Страстной площади до Бутырской заставы). Первые вагоны электрического трамвая появились в городе в 1899 г., в том же году 26 марта (7 апреля) был введен в действие регулярный маршрут трамвая по загородной линии (от Бутырской заставы до Петровского парка). К 1905 г. в Москве было 77 трамвайных вагонов, включая 20 прицепных, к 1914 г. – 821 моторных и

435 прицепных вагонов, ходивших по 38 маршрутам, в том числе кольцевым «А» по Бульварному кольцу и «Б» по Садовому кольцу.

Конки были упразднены в 1912-1913 гг. – По мнению знатоков трамвайного дела, последний маршрут конного трамвая в Москве был закрыт в начале 1912 г.

…Петровско-Разумовской с.х. академии (теперь академия им. Тимирязева) – Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия была образована в 1865 г. (изначально – Петровская земледельческая и лесная академия). В настоящее время – Российский государственный аграрный университет-МСХА им. К. А. Тимирязева.

С. 43

… ходил узкоколейный паровичок с несколькими пассажирскими вагончиками – Такие паровички ходили также по пригодной линии на Воробьевых горах. «Маленький локомотив, на который будто надели прямоугольный металлический ящик, тащил за собой несколько коночных вагонов с пассажирами. Это оказалось выгодным. Однако дым, копоть и искры, летящие из паровозной трубы, значительно ограничивали применение паровой тяги в городах» - пишет М. Д. Иванов в кн. «Московский трамвай: Страницы истории».

… пассажиры могли находиться стоя на задней площадке – в соответствии с распоряжением Городской Думы (1908), стоять на задней площадке разрешалось «лишь при неимении свободных мест внутри вагонов».

Это правило было отменено только в 1915 году, когда вследствие войны население Москвы сильно увеличилось и трамваев не хватало – В первые же месяцы войны было мобилизовано около 2,000 работников трамвайной службы, число вагонов на линиях упало на треть (к 1917 г. до 43%), позднее часть вагонов использовалась для перевозки грузов, а также больных и раненых солдат. «Значительное сокращение выпуска вагонов на линию привело к переполнению курсирующих вагонов. Трудные годы начались с того, что появились так называемые «висельники», т.е. пассажиры, висящие и державшиеся па подножках и буферах, предохранительных сетках и прочих выступающих частях вагонов» - пишет М. Д. Иванов (там же).

С. 46

Автомобили только входили в употребление – Первые легковые автомобили появились в Москве в 1900-х гг., грузовые начали распространяться с 1907 г. Количество автомобилей оставалось достаточно ограниченным: в 1904 г. в городе было зарегистрировано 115 автомобилей, в 1915 г. – 1,303.

С. 47

Против Каретного ряда за Садовым кольцом возник первый в Москве автомобильный завод Ильина, собиравший ничтожное количество автомобилей на базе получаемых заграничных частей – Экипажная фабрика П. П. Ильина (Каретный ряд, 49), основанная еще в начале XIX в. как каретная мастерская, в 1904 г. начала выпуск автомобилей с иностранными деталями, но не выдержала конкуренции с заграничными производителями. В 1908 г. предприятие, преобразованное в «Московское акционерное общество экипажно-автомобильной фабрики

«П. Ильин», занялось авторемонтом и производством кузовов и запчастей. В 1920-х гг. на его базе был создан завод «Спартак», выпускавший малолитражные автомобили.

С. 49

Мотоциклы и велосипеды имели чисто спортивное значение, а булыжные мостовые препятствовали их распространению – В 1904 г. в Москве было зарегистрировано 7,688 велосипедов; к 1915 г. число их выросло до 11,041. По распоряжению московского полицмейстера от 1892 г., езда на велосипедах допускалась «только в загородных и отдаленных местах», т.к. «лошади при встрече с едущими велосипедистами пугаются и бросаются в стороны».

С. 51

Холодильная техника была только на бойнях и в меховом складе крупного мехоторговца Михайлова – В 1912 г. при «Сибирском Торговом Доме «А. М. Михайлов» был построен, как гласили рекламные объявления, «первый и единственный в России холодильник, приспособленный для хранения исключительно меховых вещей, платья и ковров». Многие москвичи летом хранили меха, ковры и пальто в многоэтажном холодильнике Михайлова на Б. Дмитровке. С 1920-х гг. и на протяжении многих десятилетий бывшее предприятие Михайлова играло важную роль в системе советской экспортной торговли мехами.

С. 53

В пределах Садового кольца подавляющее число домов … было канализировано – Первая очередь городской канализации была построена в 1888-1898 гг. и включала территорию в

границах Садового кольца. К 1916 г., однако, к канализационной сети было присоединено лишь около трети домовладений Москвы.

Водопровод был всюду, в квартирах, кроме окраин, где имелись водоразборные колонки – В 1916 г. уличная водопроводная сеть Москвы достигала в длину 580 верст и охватывала 34.2% домовладений.

… Бабьегородской плотины – Бабьегородская плотина была сооружена в 1836 г. между современными Берсеневской и Пречистенской набережными, названа по имени исторической местности «Бабий городок». Плотина была разобрана в 1937 г.

С. 54

…Сандуновские и Центральные – Сандуновские бани, устроенные актером С. Сандуновым, существовали в Москве с конца XVIII в., с 1806 г. – как каменные бани. В 1894-1896 г. был выстроен новый комплекс зданий бань на Неглинной ул., открытый для публики в феврале 1896 г. и действующий по сей день. Центральные бани, также существующие с XVIII в., вначале назывались Китайскими по своему местоположению в Китайском проезде. Новые бани были сооружены по проекту С. Эйбушитца в 1881-1893 гг. И Центральные, и Сандуновские бани отличались сложными инженерными решениями и невиданной роскошью: в лучших разрядах «Сандунов» имелись читальня, парикмахерская, «Турецкий зал», мыльная, ирландская и русская парная и бассейн; «полтинные» (в 50 коп.) русские, финские и турецкие залы Центральных бань были отделаны красным деревом и сусальным золотом и т.д. Однако, бани не были

предназначены лишь для богатых посетителей: к примеру, в «Сандуновских» банях имелись простонародные мужские и женские отделения в 5 коп., мужские и женские бани в 10, 30 и 50 коп. и номера стоимостью от 60 коп. до 5 руб.

С. 56

Было несколько китайских прачечных, в которых работали мужчины-китайцы – Китайские прачечные начали появляться в Москве в 1900-х гг., когда в страну после японо-китайской войны, поражения боксерского восстания и русско-японской войн стали приезжать китайские мигранты. Особенно расцвели они в период НЭПа; в 1920-е гг. в Москве действовали десятки китайских прачечных. О подобной прачечной вспоминает Б. Маркус: «Работали в прачечной китайцы. Самые настоящие. Смуглые, скуластые, с раскосыми глазами. Только вот без кос и без круглых конусообразных шапок, как их рисуют на картинках. <…> Стирали и гладили китайцы превосходно. <…> Помещение у них было очень чистое. Стены белыми изразцами, как печи голландские, покрыты. И все у них аккуратно было» («Московские картинки 1920-х - 1930-х г.г.»).

С. 63

… офицеры с шашками не расставались, а накануне революции некоторые военные чиновники стали носить для облегчения кортики, как у моряков – В годы Первой мировой войны, замечает Я. Ривош в кн. «Время и вещи», «офицерская шашка, более кривая у кавалерии и слегка изогнутая у пехоты, зачастую заменялась декоративной кавказской шашкой в серебряных ножнах с серебряным или из слоновой кости эфесом, а иногда и морским кортиком, что было гораздо удобнее, так как с шашкой надо было уметь

ходить и садиться, а многочисленные офицеры военного времени этого умения в школе прапорщиков так и не приобрели».

С. 66

МВТУ – Московское высшее техническое училище (в настоящие дни МГТУ им. Н. Э. Баумана), первый и один из ведущих технических университетов в России.

С. 71

… перьями «эспри» - Эспри (от франц. «esprit»– дух, ум, характер) – общее название украшения из длинных перьев для прически или шляпы. Для эспри использовались перья журавля, павлина, белой цапли, райской птицы, фазана.

С. 75

На первое января 1917 года в Москве было 27 полицейских частей и 7 самостоятельных участков, расположенных на окраинах города – В действительности Москва делилась на три (с 1905 г. – четыре) полицейских отделения, каждое из которых объединяло несколько из 17 городских частей. Каждая часть, в свою очередь, делилась на ряд участков; в нач. XX в. в Москве насчитывалось 40 полицейских участков. Полиция Москвы находилась в ведении обер-полицмейстера (с 1905 г. – градоначальника), подчиненного генерал-губернатору. Отделениями ведали полицмейстеры, участками – приставы. Приставы располагали штатом помощников, канцелярских служащих, околоточных надзирателей (ведавших околотками или определенными районами) и низших полицейских чинов –

городовых. К 1906 г. штат московской полиции составлял 4,843 чел.

С. 76

Околоточные надзиратели получали очень небольшие оклады и жили за счет приношений от лавочников своего района, домовладельцев и других взяткодателей – Жалованье околоточного надзирателя в середине 1900-х гг. составляло от 600 до 720 руб. в год с оплатой квартиры. В целом московская полиция начала века славилась любовью к подношениям и взяткам; сам московский градоначальник ген.-майор А. Рейнбот, назначенный на этот пост в январе 1906 г., в результате сенатской проверки был в 1907 г. снят с поста, обвинен в ряде должностных преступлений (включая растраты, вымогательство и взятки) и отдан под суд. В 1911 г. Рейнбот был приговорен к лишению прав и годичному заключению в исправительное арестантское отделение, однако был помилован царем.

С. 78

Помощниками полиции были дворники – Постановление московского генерал-губернатора от 1879 г. регламентировало присутствие дворника в каждом доме и подчинение дворников полиции. Дворники были обязаны докладывать полиции о появлении в домах подозрительных личностей, пресекать кражи, расклейку объявлений и афиш без разрешения, оберегать дома от пожаров, задерживать злоумышленников и нарушителей порядка, помогать замеченным на улице больным или получившим увечья людям, передавать пьяных на полицейские посты; также в

их обязанности входила уборка улиц и дворов и очистка их от снега зимой.

Охранное отделение – общее название органов департамента полиции, ведавших политическим сыском. Возникло в Санкт-Петербурге в 1866 г. как Отделение по охране порядка и общественной безопасности; в Москве появилось в 1880 г. Помимо официального штата, охранное отделение располагало агентурой, включавшей филеров (агентов наружного наблюдения) и осведомителей. Московская «охранка» с 1906 г. руководила деятельностью охранных отделений в 13 центральных и северных губерниях.

Полицейский резерв городовых – городовые, зачисленные на службу и находящиеся в обучении до вступления в состав полицейской стражи.

Жандармское отделение – политическая полиция. Корпус жандармов был создан в 1827 г. как исполнительная и вооруженная сила III отделения; с 1880 г. губернские жандармские управления были подчинены Департаменту полиции. Жандармы выявляли государственные преступления, осуществляли надзор за государственными преступниками, заменяли полицию на железных дорогах и т.д.; в их обязанности входила также охрана общественного порядка и разгон запрещенных демонстраций.

С. 79

…было деление на судебно-деловые участки. Их в Москве было 56 – подразумеваются участки мировых судей, которые разбирали мелкие гражданские и уголовные дела.

С. 80

… большому количеству пожаров – В среднем в последние годы XIX в. в Москве происходило свыше 500 пожаров в год; в 1915 г. в городе было зарегистрировано 1,208 пожаров.

… сгорел дотла весь пассаж «Голофтеевская галерея» – иначе Голофтеевский пассаж, первый в Москве торговый пассаж, возникший в 1830-е гг. и с 1870-х гг. принадлежавший купцу К. Голофтееву. После пожара, в 1912-1913 гг., здание пассажа было возведено заново по проекту И. Рерберга; снесено в 1970-е гг.

С. 81

…были заграничные специальные автомобили – Первый пожарный автомобиль поступил в Московскую пожарную команду в 1908 г. Всего с 1908 по 1913 гг. было закуплено семь автомашин, в 1916 г. московские пожарные располагали 13 автомобилями, включая три с насосами.

Каждой части соответствовала определенная масть лошадей – Всего в Москве было 17 пожарных частей. «Каждая часть имела свою «рубашку», и москвичи издали узнавали, какая команда мчится на пожар» – пишет В. Гиляровский («Пожарный»). «Тверская – все желто-пегие битюги. Рогожская – вороно-пегие, Хамовническая – соловые с черными хвостами и огромными косматыми черными гривами, Сретенская – соловые с белыми хвостами и гривами, Пятницкая – вороные в белых чулках и с лысиной во весь лоб, Городская – белые без отметин, Якиманская – серые в яблоках, Таганская – чалые. Арбатская – гнедые, Сущевская – лимонно-золотистые, Мясницкая – рыжие и

Лефортовская – караковые. Битюги – красота, силища! А как любили пожарные своих лошадей! Как гордились ими!»

С. 83

Пожарная техника была примитивной, но не отсталой. Вся Москва имела водопроводную пожарную систему с подземными люками для установки гидрантов – В 1913 г. Московская пожарная команда насчитывала 865 пожарных. В их распоряжении имелось 3 автолинейки, 11 паровых машин, 14 конных лестниц, 28 конных линеек, 25 пожарных насосов, 23 бочечных и 8 багорных ходов, 28 рукавных возков, 342 лошади, химические огнетушители и защитные костюмы. В начале XX в. в Москве было 17 противопожарных водопроводов и 5,952 колодца водопроводной сети, пожарные краны располагались через каждые 50 саженей.

С. 84

На мачте каланчи пожарной части, выехавшей на пожар, вывешивался знак из цепочки черных шаров и поперечин, обозначавших часть, в которой происходил пожар – «Два шара на коромысле каланчи, знак Тверской части. Городская – один шар, Пятницкая – четыре, Мясницкая – три шара, а остальные – где шар и крест, где два шара и крест – знаки, по которым обыватель узнавал, в какой части города пожар», указывает В. Гиляровский («Под каланчой»).

С. 85

Пожарные пользовались успехом у домашней прислуги … кум пожарный – Ср. там же у Гиляровского: «Кухарки при найме и в условие хозяйкам ставили, что в гости «кум» ходить

будет, и хозяйки соглашались, а в купеческих домах даже поощряли. Да и как не поощрять, когда пословица в те давние времена ходила: «Каждая купчиха имеет мужа – по закону, офицера – для чувств, а кучера – для удовольствия». Как же кухарке было не иметь кума-пожарного!».

С. 88

…Болотном рынке – рынок на Болотной площади, возникший в XVIII в., до середины XIX в. центр хлебной торговли в городе, в нач. XX в. наряду с Охотным рядом – крупнейший пищевой рынок города. Торговля на Болотном рынке прекратилась в конце 1920-х гг., постройки были снесены в 1938 г.

… пресловутый Хитров рынок – Т. наз. «Хитровка», рынок на бывшей Хитровской площади, широко известный как символ московского «дна» и неоднократно описанный в литературе. Площадь и рынок были обустроены и подарены городу ген.-майором Н. Хитрово в 1820-х гг. К началу XX в. за Хитровым рынком прочно укрепилась слава гнезда преступности, центра ужасающих ночлежных домов и трущоб, куда стекались безработные, мигранты из других губерний, нищие и т.д. «Хитровка <…> занимала целые кварталы вблизи городского центра, между Солянкой и Покровским бульваром. Здесь были харчевни, и кабаки, и ночлежные дома, в которых ютилась самая голь, самая беспросветная беднота. Это были приюты «бывших людей», «лишних людей», неудачников, воров, уголовников и пропойц» - вспоминает Н. Телешов («Записки писателя»). Рынок был ликвидирован в 1920-х гг., на его месте был разбит сквер, впоследствии выстроена школа.

С. 95

Охотный ряд … о грязноватых лавках – Согласно докладу Московской городской управы (1913), «Охотный ряд до сих пор остается еще неустроенным и представляет по фасаду ряд уродливых мелких лавок и ларей, которые придают площади вид грязного азиатского захолустья».

С. 96

… Благородным собранием (Дом союзов) – здание Благородного собрания было построено в конце XVIII в., перестроено в 1780-е гг. М. Казаковым, в 1905 г. – А. Мейснером. Большой зал здания (в советское время называвшийся «Колонным») славился своими балами, позднее – как один из лучших концертных залов Москвы. После революции здание было передано Московскому совету профсоюзов.

С. 97

… вполне европейской гостиницей «Националь» – гостиница «Националь» на углу Тверской и Моховой улиц была выстроена в 1901-1903 гг. по проекту А. Иванова и оснащена всевозможными техническими новинками: действовали лифты, в номерах имелись телефоны, ванны и ватерклозеты. После революции и до начала 1930-х гг. в здании располагались правительственные отделы, затем «Националь» вновь стал гостиницей.

Елисеевский магазин – расположен в доме, построенном в 1780-х гг. по проекту М. Казакова. В начале XIX в. принадлежал княгине З. Волконской, в 1898 г. был приобретен купцом-миллионером Г. Елисеевым. Магазин

Елисеева, открывшийся в 1901 г., считался наиболее помпезным гастрономическим магазином Москвы и торговал колониальными и гастрономическими товарами, кондитерскими изделиями, бакалеей и фруктами, имел также богатейшие винные погреба. После революции магазин был национализирован, но продолжал оставаться гастрономом и неофициально называться «Елисеевским». Реставрирован в 2003 г.

С. 99

Магазин Леве – Винный магазин фирмы «Егор Леве» находился в роскошном доходном доме семьи виноторговцев Леве (совр. дом № 7 по Столешникову переулку), построенном в 1903 г. по проекту А. Эрихсона. Магазин считался лучшим в Москве. См. у Л. Толстого в «Анне Карениной»: «Выйдя в столовую, Степан Аркадьич к ужасу своему увидал, что портвейн и херес взяты от Депре, а не от Леве, и он, распорядившись послать кучера как можно скорее к Леве, направился опять в гостиную».

Винный магазин Депре находился на Петровке – Магазин товарищества виноторговли К. Ф. Депре размещался в доходном доме, перестроенном в конце XIX в. Р. Клейном.

Булочник Филиппов имел собственный четырехэтажный дом – Имеется в виду Д. И. Филиппов, наследник знаменитой династии пекарей, основанной в XVIII в. М. Филипповым и продолженной И. Филипповым. Булочная находилась в совр. доме № 10 по Тверской, перестроенном в 1891-1897 гг. по проекту М. Арсеньева. «Булочная Филиппова всегда была полна покупателей» – вспоминает В. Гиляровский («Булочники и парикмахеры»). «В дальнем углу вокруг

горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика – от учащейся молодежи до старых чиновников во фризовых шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пятачковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завел еще Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими, калачами и сайками, а главное, черным хлебом прекрасного качества. Прилавки и полки левой стороны булочной, имевшей отдельный ход, всегда были окружены толпами, покупавшими фунтиками черный хлеб и ситный <…> Черный хлеб, калачи и сайки ежедневно отправляли в Петербург к царскому двору. Пробовали печь на месте, да не выходило, и старик Филиппов доказывал, что в Петербурге такие калачи и сайки не выйдут», т.к. «вода невская не годится».

С. 101

…Сиу, Эйнем – Торговый дом «А. Сиу и Ко» был основан в 1855 как московская кондитерская француза А. Сиу; к началу XX в. предприятие располагало сетью фирменных магазинов в Москве (магазин и кофейня в пассаже бр. Джамгаровых на Кузнецком мосту), Петербурге, Киеве и Варшаве и продавало кофе, какао и разнообразные сладости. Товарищество «Эйнем» было основано в 1851 г., когда в Москве появилась шоколадная мастерская Т. фон Эйнема; к началу XX в. фирма «Эйнем», не жалевшая денег на рекламу своих товаров, владела фабриками в Москве, филиалами в Симферополе и Риге и несколькими магазинами в Москве и Нижнем Новгороде. После революции оба предприятия

были национализированы: фабрика «Сиу» стала фабрикой «Большевик», «Эйнем» – «Красным Октябрем».

С. 102

Из русских кондитеров наибольшей известностью пользовался Абрикосов – Кондитерская фабрика «Товарищество А. И. Абрикосова Сыновей» была основана во второй половине XIX в. А. И. Абрикосовым, потомком династии кондитеров. К началу XX в. на фабрике Абрикосова в Сокольниках работали 1,900 чел., производилось около 4,000 тонн шоколада, конфет и бисквитов в год. Магазин товарищества находился в Солодовниковском пассаже на Кузнецком мосту. После революции фабрика была национализирована и переименована в фабрику им. П. А. Бабаева.

С. 103

…Палатой мер и весов – Главная палата мер и весов была создана в 1893 г. на базе предшествовавшего учреждения, «Депо образцовых мер и весов». На палату была возложена задача хранения прототипов и образцов российских и иностранных мер и весов и поверки мер и измерительных приборов.

С. 104

…Мюр и Мерилиза – Фирма «Мюр и Мерилиз» была основана шотландцами А. Мерилизом и Э. Мюром, которые в конце 1850х гг. основали торговую. Компанию в Петербурге. В 1880-х гг. фирма открыла магазин в Москве на Кузнецком мосту, затем оптовый магазин дамских шляп и галантереи на Петровке и наконец универмаг на Театральной площади,

который быстро расширял свой ассортимент и вскоре завоевал всероссийскую известность благодаря торговле по каталогам. «Был открыт необычайный по тому времени универсальный «Мюр-Мерилиз», как его называли по имени хозяев, где сосредоточены были всевозможные товары и в таком изобилии, в таком разнообразии, что универсал этот изумленные москвичи отнесли к разряду событий» (Н. Телешов, «Записки писателя»). После разрушительного пожара 1900 г. было начато строительство нового здания по проекту Р. Клейна, открывшегося для публики в 1908 г. В новом универмаге, число отделов которого за несколько лет достигло 80, имелись такие новинки, как ресторан, комната ожидания, справочная и электрические лифты. Помимо универсального магазина, фирма «Мюр и Мерилиз» владела также московским предприятием по изготовлению мебельных и бронзовых изделий. После революции универмаг был национализирован, здесь разместился «Мосторг», а в 1922 г. открылся ЦУМ.

… Экономического общества гвардейских офицеров – Экономическое общество офицеров Гвардейского корпуса было создано в 1891 г. при поддержке Александра III как корпоративное акционерное общество с целью снабжения офицеров гвардии обмундированием и одеждой «по возможно дешевым ценам». В общество вступили более 4,000 пайщиков, крупнейшими акционерами стали великие князья. В 1898 г. в здании петербургского офицерского собрания обществом был открыт один из первых универсальных магазинов города, доступ в который был разрешен и гражданским лицам. Филиалы универмага вскоре открылись в Гатчине, Петергофе, Красном и Царском Селе. Центральный универсальный магазин общества на Б. Конюшенной в Петербурге (в советское время Дом

Ленинградской торговли) был открыт в 1909 г. Здание универмага и доходного дома общества в стиле модерн, построенное в Москве на Воздвиженке в 1910-1913 гг. по проекту С. Залесского, было варварски снесено в 2003 г., на его месте была возведена безвкусная «реконструкция».

С. 105

Верхние торговые ряды (ГУМ), Лубянский пассаж (на месте магазина «Детский мир»), четыре пассажа на Петровке, один на Тверской (сейчас театр им. Ермоловой) – Здание Верхних торговых рядов, выдержанное в псевдорусском стиле, было построено в 1890—1893 гг. по проекту А. Померанцева и В. Шухова; ряды были открыты в декабре 1893 г. Лубянский пассаж был построен по проекту А. Вейденбаума в 1882-1883 гг. Пассаж Постниковой (также назывался пассажем Постникова) на Тверской был открыт в 1887 г., основой его послужило здание XVIII в., перестроенное С. Эйбушитцем. Всего в Москве в нач. XX в. имелось не менее девяти торговых пассажей: Верхние торговые ряды, Лубянский, пассаж Постниковой, Голофтеевский, Петровский и Александровский пассажи на Петровке, на Кузнецком мосту – Солодовниковский, бр. Джамгаровых (бывш. К. Попова) и пассаж Сан-Галли.

Подавляющее количество магазинов на этих улицах принадлежало иностранцам – Альшванг, Депре, Вера, Буре, Мозер, Эйнем, Вейс, Аванцио, Дациаро, Каде, Жак, Шанкс (английские товары – предметы туалета, комфорта и роскоши по очень высоким ценам), Фаберже, Швабе, Триака, Жемличка, Леве, Вандра, Виркау – Перечислены дорогие магазины, торговавшие самыми разнообразными товарами: вина (Е. Леве и К. Депре), часы (П. Буре и Г. Мозер), кондитерские изделия (Эйнем), оптика

и научные приборы (Ф. Швабе), художественные изделия (И. Дациаро, Б. Аванцио), ювелирные изделия (К. Фаберже), обувь (Г. Вейс), велосипеды и швейные машины (Г. Жемличка) и т.д. Французские магазины модных и галантерейных товаров начали появляться в районе Кузнецкого моста со второй половины XVIII в.

С. 110

… бесконечно продолжавшихся приключений сыщиков Нат Пинкертона, Ника Картера и Шерлока Холмса – Речь идет о бульварной «литературе выпусков», наводнившей Россию во второй половине 1900-х – нач. 1910-х гг. «Вскоре у газетчиков на углах улиц появились разноцветные книжки ценою в пять и семь копеек – эти книжки стали называться выпусками» – вспоминает в кн. «Родители, наставники, поэты» Л. Борисов. «А так как газетчиков в те годы было значительно больше, чем сегодня так называемых «киоскеров» (сколько углов, столько было и газетчиков, и не было у них домика, где они сидели бы со своим «товаром»), то скоро выпуски примелькались, как шапка на голове городового: тоже сколько углов, столько городовых. Выпуски эти повествовали о подвигах сыщиков, главным образом американских и английских. Выпуск первый подвигов Ната Пинкертона назывался «Заговор преступников» – это название помнит все мое поколение, ибо с ним впервые появились всевозможные сыщики. За этим выпуском недели две спустя появились такие же книжечки приключений (напечатано было – «похождения») сыщика Ника Картера, в каждой книжечке было не 32 страницы, как в тех, что стоили пятачок, а 48, и цена им семь копеек. Еще неделя-другая, и появился Шерлок Холмс с трубкой в зубах (в медальоне на обложке каждого выпуска) <…> и Пат Коннер, и Этель Кинг

- женщина-сыщик, и «Победитель Шерлока Холмса Арсен Люпэн», и «Начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин» <…> Появились и такие выпуски, которые стоили три копейки, в каждом выпуске была аляповатая картинка (не в красках), и выпуски в обложке цветной, но уже за пять копеек. Были буквально знамениты «Пещера Лейхтвейса» – 73 выпуска, «Гарибальди» – 71 выпуск, «Палач города Берлина» – 44 выпуска, сильно искаженный и переводом и сокращением роман Евгения Сю «Парижские тайны» – забыл уже, сколько выпусков он занимал». Главным поставщиком этой литературы на книжный рынок было петербургское издательство «Развлечение», тиражи отдельных «выпусков» составляли десятки, а иногда и сотни тысяч экземпляров. По утверждению Борисова, некоторые «выпуски» были ради заработка или развлечения сочинены такими литераторами, как А. Куприн, М. Кузмин и Н. Брешко-Брешковский.

С. 111

… доме Сытина на Тверской, там же было его издательство, типография (во дворе) и редакция газеты «Русское слово» - И.Д. Сытин (1851-1934) – виднейший российский книгоиздатель, был причастен к созданию издательства «Посредник», издавал журналы «Книговедение», «Вокруг света», «Военную энциклопедию», широко распространенный «Всеобщий календарь»-справочник, художественную литературу, учебные пособия, песенники и т.д., владел обширной сетью книжных магазинов. Дом Сытина в стиле модерн (Тверская, 18Б) был построен в 1905-1907 гг. по проекту А. Эрихсона, в 1979 г. был передвинут в связи со строительством нового здания издательства «Известия». Либеральная ежедневная газета «Русское слово», начавшая выходить в 1895 г., была

приобретена и реформирована Сытиным в 1897 г., тираж газеты до революции составлял 600-800 тыс. экз. «Русское слово» продолжало выходить вплоть до цензурного запрета в ноябре 1917 г. В начале 1918 г. издание возобновило выход; газета издавалась под измененными названиями и была окончательно закрыта в июле 1918 г.

С. 113

… городскими больницами – По состоянию на 1912 г. городские власти Москвы располагали 18 больничными учреждениями с 7,011 кроватями, 950 койками в арендованных частных домах, 787 кроватями в шести домах призрения для неизлечимых больных и семью богадельнями с 1,800 мест. Больничную помощь населению также оказывали клиники и институты медицинского факультета Московского университета, больницы ведомства имп. Марии, частные лечебницы и т.п.

… фельдшеров, имевшихся на больших предприятиях – в начале XX в. в Москве имелось 157 фабричных медицинских учреждений с 839 койками.

… небольшие лечебницы на несколько коек – в описываемый период в Москве насчитывалось 88 частных лечебниц.

С. 114

… «Сифилис 606 и 914 по Эрлиху» – В 1910 г. немецкий фармаколог и иммунолог, нобелевский лауреат П. Эрлих после испытания 606 соединений объявил об открытии средства сальварсан, позволяющего излечить сифилис. В 1912 г. Эрлих разработал видоизмененный вариант этого лекарства – «препарат 914» или неосальварсан.

Существовала и скорая помощь – Первые станции скорой помощи в Москве были открыты при Сущевском и Сретенском полицейских участках в апреле 1898 г., при каждой станции имелась карета скорой помощи с медикаментами и врачебными инструментами (см. А. Вахромеев, «К истории создания Скорой помощи в Москве»). Выезжали на таких каретах врач, фельдшер и санитар. Радиус обслуживания ограничивался пределами данной полицейской части. Дежурство команды скорой помощи начиналось в 3 часа дня, заканчивалось в это же время на следующий день. К весне 1902 г. в Москве имелось семь станций с каретами скорой помощи, в 1903 г. появилась первая карета для перевозки рожениц, в 1908 г. возникло добровольное Общество скорой медицинской помощи. В 1912 г. общество открыло на пожертвования станцию скорой помощи на Долгоруковской ул. и оборудовало санитарный автомобиль. С началом Первой мировой войны станция прекратила свое существование и Москва оставалась без службы скорой помощи до октября 1919 г., когда была организована новая станция.

С. 116

«*Шурум-бурум! Старье-верье купаем!*» – *возвещал татарин-старьевщик с полосатым мешком за спиной* – «Скупленные вещи они выносили на толкучку, продавали их с рук или в старьевые лавочки, приютившиеся в нишах китай-городской стены» – пишет И. Белоусов («Ушедшая Москва»). «У татар-старьевщиков можно было встретить самые разнообразные вещи: старомодный пуховой цилиндр, фрак или вицмундир, вышедшую из моды дамскую шляпу с перьями

и цветами, изъеденное молью меховое пальто, распаявшийся самовар и другие самые разнообразные вещи».

С. 117

… на скрипучем духовом инструменте, напоминавшем по размеру и форме скрипку без грифа и имевшем несколько клавиш и небольшую непрерывно вращаемую ручку – Подразумевается европейская колесная лира, распространенный в России с XVII в. инструмент нищих бродячих музыкантов. Колесо лиры вращается рукой, заставляя струны вибрировать; звучание отдельных струн регулируется с помощью клавиш для воспроизводства мелодии, остальные сопровождают пение лирника монотонным гудением.

С. 120

Петрушка был любимым зрелищем детворы – Петрушка - «кличка куклы балаганной, русского шута, потешника, остряка в красном кафтане и в красном колпаке; зовут Петрушкой также весь шутовской, кукольный вертеп», пишет В. Даль. В театре Петрушки, известном в России с XVII в., использовались как марионетки, так и перчаточные куклы. «Сценой» служила ширма из трех скрепленных вместе рам, затянутых ситцем; ширма ставилась на землю и скрывала петрушечника. В традиционных уличных представлениях Петрушка убивал своих врагов (цыгана-барышника, доктора, квартального, жандарма), иногда игралась также неприличная сценка «Петрушкина свадьба». «Убивая всех врагов, Петрушка клал их тут же на края ширмы, а потом складывал их всех на плечи и скрывался за ширмой, напевая: «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест» – вспоминает И. Белоусов, в чьей кн. «Ушедшая Москва»

содержится подробное описание подобного представления. В нач. XX в. кукольная жестокость несколько смягчилась и Петрушка все чаще ограничивался только побоями.

С. 121

Фокусники-китайцы … другие фокусы – Торговля вразнос, прачечное дело и уличные представления были в те годы основными занятиями китайцев в Москве. Помимо описанных, в репертуар китайских уличных фокусников входили и такие трюки, как поджигание во рту опилок и выдыхание огня, вытягивание изо рта бесконечной ленты, превращавшейся в цветные бумажные фонарики, трюк с чашей, всегда остававшейся полной, сколько бы из нее ни пили. В то же время, многие более профессиональные китайские артисты выступали в начале XX в. и позднее на российских сценах и манежах, демонстрируя фокусы, акробатические номера, эквилибристику и метание ножей.

С. 122

… китайская «че-су-ча» – Чесуча – плотная шелковая ткань желтовато-песочного цвета из неравномерных по толщине волокон натурального шелка. В начале века были широко распространены мужские летние костюмы из чесучи.

С. 126

Интересна история этого дома. Он принадлежал владельцу Нирензее, продавшему его банкиру-аферисту по прозвищу Митька Рубинштейн, а тот по каким-то соображениям подарил его (так говорили) царскому фавориту-проходимцу Распутину – Архитектор и предприниматель Э.-К. Нирнзее (Нирензее) прославился

как создатель первых московских «небоскребов» выше 8 этажей, в 1903-1913 гг. построил целый ряд доходных домов в городе, включая и упомянутый 10-этажный дом в Б. Гнездиковском переулке (1912). В 1915 г. Нирензее продал дом банкиру Д. Рубинштейну за рекордную сумму в 2.1 млн рублей. Упорные слухи о том, что дом был куплен в подарок Распутину и об оргиях Распутина в этом доме не имеют документальных подтверждений. Дом Нирензее часто упоминается в прозе М. Булгакова («Сорок сороков», «Дьяволиада»); в этом доме писатель познакомился со своей будущей женой Е. Шиловской. В 1920-1930-х гг. в доме Нирензее жили сотрудники НКВД и партийные работники, в том числе печально знаменитый прокурор А. Вышинский.

…театр-кабаре «Летучая мышь», организованный талантливым актером Балиевым – Этот театр был создан в 1908 г. актером Московского художественного театра Н. Балиевым (1877 или 1876 – 1936) и меценатом МХТ Н. Тарасовым, располагался на Пречистенской набережной, затем в Милютинском переулке и с 1915 г. в подвале дома Нирензее. В «Летучей мыши» ставились живые картины, инсценированные романсы и т.п. в сопровождении остроумного конферанса Балиева, позднее – сценические миниатюры на основе классических водевилей, оперетты. В 1920 г. Балиев с небольшой частью труппы эмигрировал в Париж, затем в Нью-Йорк; его театр прекратил свое существование в 1931 г. Московская «Летучая мышь» оставалась в доме Нирензее до 1922 г., когда место театра заняло кабаре «Кривой Джимми».

С. 127

Москва лежала как на ладони, весь горизонт кругом был в дымке лесов и полей, разве только на юго-востоке виднелись на самом

горизонте завод Гужона (теперь «Серп и молот») и Дангауэровская слобода – Ср. описание М. Булгакова в очерке «Сорок сороков»: «На самую высшую точку в центре Москвы я поднялся в серый апрельский день. Это была <…> верхняя платформа на плоской крыше дома бывшего Нирензее, а ныне Дома Советов в Гнездниковском переулке. Москва лежала, до самых краев видная, внизу. Не то дым, не то туман стлался над ней, но сквозь дымку глядели бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки сорока сороков». Завод Гужона – Московский металлический завод Ю. Гужона (1883-1917, с 1922 г. Московский металлургический завод «Серп и молот»). Дангауэровская слобода или «Дангауэровка» – жилой массив в Лефортово в Москве, возник в нач. 1870-х гг. как поселок для рабочих котельного и литейного завода Дангауэра и Кайзера, перестроен в стиле конструктивизма в 1928-1932 гг.

С. 128

Несмотря на то, что озелененными считались только бульвары и Садовое кольцо, зелень была видна всюду: в многочисленных церковных дворах и во двориках особняков и многих старинных домов. Хищники-домовладельцы еще не успели все повырубить и застроить доходными домами – В 1911 г. застройка охватывала до 48% территории Москвы, озеленение составлял лишь 9% и сельскохозяйственные земли (огороды и пустыри) – 21%.

С. 130

Памятник Пушкину стоял на самом бульваре, а на том месте, где он стоит сейчас, находилась колокольня Страстного монастыря – Страстной монастырь, основанный в XVII в., был упразднен в 1928 г., затем превращен в Центральный

антирелигиозный музей и в 1937 г. снесен при реконструкции ул. Горького (Тверской) и Пушкинской (Страстной) пл. Памятник Пушкину работы А. Опекушина, установленный в 1880 г., был перенесен на место прежней монастырской колокольни в 1950 г.

С. 132

… *сумские гусары* – Гусары Сумского гусарского полка, сформированного в конце XVIII в.

С. 133

…да еще Нарышкинский – «Нарышкинский сквер, этот лучший из бульваров Москвы, образовался в половине прошлого столетия. Теперь он заключен между двумя проездами Страстного бульвара, внутренним и внешним. Раньше проезд был только один, внутренний, а там, где сквер, был большой сад во владении князя Гагарина, и внутри этого сада был тот дворец, где с 1838 года помещается бывшая Екатерининская больница. Еще в 1926 году, когда перемащивали проезд против здания больницы, из земли торчали уцелевшие столетние пни, остатки этого сада. Их снова засыпали землей и замостили» (В. Гиляровский, «Нарышкинский сквер»).

С. 134

…Петровский парк – парковый комплекс на северо-западе Москвы, созданный в 1820-х гг. С XIX в. – популярное место гуляний, где также размещались богатые дачи. В начале XX в. в Петровском парке находились знаменитые рестораны

«Яр» и «Стрельна» (см. ниже). В 1928 г. парк был уничтожен, на его месте был выстроен стадион «Динамо».

…дешевым летним рестораном Крынкина – ресторан С. Крынкина, первый высотный ресторан в Москве, был открыт в 1891 г. и славился отличной кухней, видами и цыганскими хорами. «У Крынкина встречают нас парадно: сам Крынкин и все половые-молодчики. Он ведет нас на чистую половину, на галдарейку, у самого обрыва, на высоте, откуда вся-то Москва как на ладоньке» – пишет И. Шмелев в кн. «Лето Господне». Об этом ресторане упоминает в дневниковой записи 1899 г. и великий князь Константин Константинович (поэт К.Р.): «Съездил я с Робертом на Воробьевы горы, где я никогда не бывал. Там есть ресторан Крынкина с открытым балконом, оттуда восхитительный вид на изгибающуюся Москву-реку и всю Белокаменную. Только мы там сели пить чай, как на хорах хор певчих в русских боярских кафтанах затянул песню на мои слова «Умер, бедняга».

С. 136

…Ресторанов «Яр» и «Стрельна» – «Яр», прославленный известной песней «Эй, ямщик, гони-ка к «Яру» и именами бесчисленного множества знаменитых завсегдатаев, был основан в 1826 г. французом Т. Яром (Ярдом) в качестве ресторации с гостиницей на Кузнецком мосту. В 1851 г. «Яр» переехал в Петровский парк на Петербургском шоссе (Ленинградский проспект). В 1910 г. здание ресторана, которым владел тогда А. Судаков, было полностью перестроено по проекту А. Эрихсона – появились громадные залы, уединенные кабинеты, летний сад. «Яр» был знаменит не только цыганским и русским хорами, но прежде всего

кутежами – поездка «к Яру» на лихачах или тройках была неотъемлемой частью истинного московского загула. «А то вызывались в клуб лихие тройки от Ечкина или от Ухарского и, гремя бубенцами, несли веселые компании за заставу, вслед за хором, уехавшим на парных долгушах-линейках. И неслись по ухабам Тверской, иногда с песнями, загулявшие купцы. Молчаливые и важные лихачи на тысячных рысаках перегонялись с парами и тройками» – пишет В. Гиляровский («Купцы»). В 1950-х гг. бывшее здание ресторана было перестроено под гостиницу «Советская». С «Яром» соперничала «Стрельна», также расположенная в Петровском парке, с летним отделением под названием «Мавритания». «Тройки и лихачи всю ночь летали от Москвы к Яру, от Яра в Стрельну» – писал в одном из фельетонов А. П. Чехов. «Стрельна», созданная И. Ф. Натрускиным, представляла собой одну из достопримечательностей тогдашней Москвы – она имела огромный зимний сад. Столетние тропические деревья, гроты, скалы, фонтаны, беседки и – как полагается – кругом кабинеты, где всевозможные хоры» – вспоминает В. Гиляровский («Трактиры»). «Вспоминаются роскошные, излюбленные кутящими москвичами рестораны «Стрельна» и «Яр», умышленно расположенные за бывшей чертой города – сейчас же за Триумфальной аркой, по пути к Петровскому парку» – вторит Н. Телешов. «Сюда езжали на лихачах, на парах с отлетом и на русских тройках, гремя бубенцами и взвивая вихрем снежную пыль. Громадные пальмы до высокого стеклянного потолка, тропические растения – целый ботанический сад – встречали беспечных гостей; в широких бассейнах извивались живые стерляди и жирные налимы, обреченные в любую минуту, на выбор, стать жертвой кухни; французское шампанское и заграничные привозные фрукты, хоры цыган с их

своеобразными романсами под звуки гитар и с дикими страстными выкриками. Разгоряченные вином некоторые чувствительные москвичи плакали, а иные в сокрушительной тоске по отвергнутой любви и в пьяной запальчивости разбивали бутылками зеркала».

…возникший в 1912-1913 гг. аэродром – упомянутый аэродром был открыт в 1910 г. (см. прим. к с. 142).

Было еще Девичье Поле … На этом месте устраивались гулянья с каруселями, качелями и прочими яркими ярмарочными удовольствиями – По воспоминаниям И. Белоусова, в конце XIX в. «под Девичьим было много мелких балаганчиков, в которых показывались разные необычайные вещи: теленок о двух головах, «мумия египетского царя-фараона», дикий человек, привезенный из Африки, который на глазах у публики ел живых голубей, человек с железным желудком, выпивающий рюмку скипидара или керосина и закусывающий этою же рюмкою, и еще много тому подобное».

С. 138

…стеклянные чертики в стеклянных колбах или пробирках – воспетые бесчисленными мемуаристами игрушки, также называвшиеся «морскими жителями» или «американскими жителями». Ср. у В. Набокова в «Память, говори»: «Вспоминаю <…> картезианских чертиков, называемых «американскими жителями», – крохотных бесенят из стекла, поднимающихся и опускающихся в стеклянных трубках, наполненных розоватым или сиреневым спиртом, вроде как настоящие американцы (хоть эпитет означал всего лишь «иноземные») в лифтовых шахтах прозрачных небоскребов».

С. 139

… народные дома - просветительские народные клубы, которые начали создаваться в России с конца 1880 гг. при поддержке промышленников, частных благотворителей, муниципальных властей и обществ трезвости. В 1914 г. в Москве действовало 12 народных домов.

С. 140

…«Художественный» (Арбатская площадь), «Колизей» (Чистые пруды), «Форум» (на Садово-Сухаревской), «Уран» на Сретенке – Кинотеатр «Художественный», называвшийся тогда «электро-театром», был открыт в 1909 г., перестроен по проекту Ф. Шехтеля в 1912 г. и остается единственным действующим с начала XX в. московским кинотеатром. «Форум» открылся в 1914 г., здание сохранилось. В здании кинотеатра «Колизей» (арх. Р. Клейн, 1912), разместился театр «Современник». «Уран», также построенный в нач. 1910-х гг., был снесен московскими властями в 1997 г.

…Дуровы и клоуны Бим-Бом – Дуровы – знаменитая цирковая династия клоунов-дрессировщиков, в описываемую эпоху на манеже выступали родоначальники династии братья В. и А. Дуровы, а также жена и дети В. Дурова. Дуэт клоунов Бим-Бом был создан И. Радунским (Бим) и Ф. Кортези (Бом). После гибели Кортези в 1897 г. роль Бома исполнял И. Станевский. Дуэт Бим-Бом прославился злободневными сатирическими куплетами и репризами. После 1917 г. оба комика эмигрировали, с 1925 г. вернувшийся в СССР Радунский восстановил дуэт с Н. Вильтзаком.

С. 142

… аэродром на Ходынском поле – Первый в Москве аэродром Московского общества воздухоплавания (впоследствии Центральный аэродром им. М. В. Фрунзе) был открыт на Ходынском поле в октябре 1910 г. и состоял тогда из взлетно-посадочной полосы и шести ангаров для аэропланов.

…бипланы «Фарман» – самолеты конструкции французского авиатора и авиастроителя А. Фармана (1874-1958). Одной из самых распространенных моделей 1910-х гг. был биплан Farman IV с толкающим винтом.

С. 144

Два городских сада – «Эрмитаж» и «Аквариум» – сад «Эрмитаж», первоначально называвшийся «Новый Эрмитаж», был создан ресторатором и театральным импресарио Я. Щукиным и открыт в 1894 г. В мае 1896 г. здесь состоялся первый в Москве общедоступный сеанс кинематографа, а в 1898—1902 гг. театр «Эрмитаж» арендовал Московский художественный театр. В настоящее время в саду расположены театры «Сфера», «Эрмитаж», «Новая опера» и ряд клубов. Сад «Аквариум» возник в 1893 г. как увеселительный сад «Чикаго». В 1898 г. сад арендовал француз Ш. Омон, переименовавший его в «Аквариум». В 1959 г. на месте зимнего театра «Аквариум» было построено новое здание для Театра им. Моссовета.

С. 156

Игра в «чижика» – Старинная игра, один из участников которой должен ударом битки – палки с плоским концом в

виде лопатки – заставить деревянного «чижика» (круглую палочку длиной 8-12 см с острыми концами) взлететь в воздух и вылететь в поле. Задача соперника – поймать «чижика» на лету или отправить его в «дом» в виде нарисованного на земле круга, при этом первый участник старается отбить «чижика» биткой. Игра может вестись командами на выбывание игроков или на очки.

С. 157

… когда перед зданием нынешнего музея Революции (в прошлом Английского клуба) вместо забора стояли одноэтажные магазины – Московский Английский клуб возник в конце 1772-х гг., с 1831 г. расположился во дворце Разумовских на Тверской, построенном в конце XVIII в. и реконструированном в 1817 г. (с конца XIX в. – собственность клуба). В 1912 г. клуб сдал в аренду землю перед зданием, где были устроены торговые павильоны и палатки, прозванные «Английскими рядами». В 1922 г. в здании открылась выставка «Красная Москва», положившая начало Музею Революции.

С. 159

…«Универсальная библиотека» – серия дешевых книг изд-ва «Польза» В. Антика. С 1906 по 1918 гг. в этой серии вышло более 750 названий книг – художественная, историческая и научно-популярная литература, мемуары, словари и пр. Для многих читателей начала века книжечки «Универсальной библиотеки» стали первым знакомством с современной западной литературой.

С. 164

… в трущобах Трубной улицы и Цветного бульвара – в свое время район Трубной и Цветного бульвара, наряду с «Хитровкой», считался одним из самых опасных в Москве; здесь располагались многочисленные притоны, кабаки и публичные дома, описанные в рассказе А. П. Чехова «Припадок». «Вся эта местность вправо и влево была окружена переулками, в которые входить и из которых выходить для людей мужского пола считалось не очень удобным» – вспоминает Н. Телешов («Записки писателя»). «Даже первоклассный ресторан «Эрмитаж», стоявший на площади, и тот выполнял не только свою прямую роль, но имел тут же рядом так называемый «дом свиданий», официально разрешенный градоначальством, где происходили встречи не только с профессиональными девицами, но нередко и с замужними женщинами «из общества» для тайных бесед <…> Кажется, по всей Москве не было более предосудительного места, чем Труба и ее ближайшие переулки» .

¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤¤

Об авторе

Анатолий Яковлевич Гуревич родился в 1905 г. в Москве в потомственной купеческой семье. Закончил реальное училище, затем Московское высшее техническое училище. Во второй половине 1930-х годов сотрудничал с будущим отцом советской космонавтики С. П. Королевым. В первых числах июля 1941 г., несмотря на наличие брони, ушел добровольцем на фронт, в октябре 1941 г. на фронте вступил в КПСС. Был награжден орденом Боевого Красного Знамени и другими боевыми наградами. Войну закончил под Кенигсбергом, демобилизовался в середине 1946 г. в звании майора. До 1975 г. работал на различных должностях в качестве инженера-конструктора; многие детали трудовой деятельности были засекречены. За участие в работе над первым советским искусственным спутником Земли (1957) был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Умер в 1978 г. после тяжелой болезни.

Оглавление

Книги издательства Salamandra P.V.V.

История доктора Джона Фаустуса. 28 с., илл.

Впервые на русском языке - перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Готовятся к изданию:

Джеймс Джойс. Джакомо Джойс.
Новые похождения Шерлока Холмса.

Витрина издательства:

http://stores.lulu.com/store.php?fAcctID=27921643